

18+

Моё мамя

КСАНА М.

Ксана М.

Моё пламя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36074171

SelfPub; 2022

Аннотация

Продолжение книги "Этот томительный дым"! Любовь – это самое сильное чувство на Земле, из-за которого испокон веков любящие друг друга люди готовы были идти на безумства и приносить себя в жертву. Она способна спасти даже самую заблудшую душу, которая давно потеряла покой. Но готова ли эта душа покориться? Прошлое продолжает умело диктовать героям свои собственные правила, не позволяя никому из них отпустить болезненные воспоминания. Теперь каждому предстоит сделать выбор: сгореть в мучительном пламени или, сжав зубы, сразиться с ним лицом к лицу.

Содержание

Пролог	5
1. Эбигейл	12
2. Дарен и Эбигейл	34
3. Дарен и Эбигейл	57
4. Дарен и Эбигейл	81
5. Эбигейл	101
6. Эбигейл и Дарен	117
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Ксана М. Моё пламя

«Что есть любовь? Бездумье от угара.

Игра огнем, ведущая к пожару.

Воспламенившееся море слез,

Раздумье – необдуманности ради,

Смешенье яда и противоядья».

Уильям Шекспир

Пролог

Прохладный воздух из окна ударил в легкие, заставляя выступившие слезы, ещё не успевшие скатиться вниз, тут же застыть. Дверь за спиной медленно закрылась, и мне вдруг показалось, словно сердце, только что замедлившее свой ритм, сейчас и вовсе перестало биться. Будто бы для этого у него больше просто не было причин. Будто бы только что я собственными усилиями лишил себя чего—то важного. Того, без чего смысл моей жизни обесценивался ровно вполовину.

Отяжелевшими ногами подошел к больничной койке, а затем, преодолевая острую боль, коснулся пальцами края постели и опустился на корточки.

Всё это время я не смел отводить взгляда от сестры: от её ещё бледного лица, подрагивающих век и слегка приоткрытых губ, то впускающих, то выпускающих воздух.

Чувство вины с каждой секундой становилось всё сильнее, но даже видя её такой слабой и болезненной, я понимал, что жизни моей принцессы больше ничто не угрожало.

И угрожать не будет. Ни теперь. Ни впредь.

Бережно коснулся её прохладных пальцев, а затем едва ощутимо, боясь причинить ей новую боль, сжал их в своей руке.

– Прости... — от собственного шепота по горлу мгновенно прокатилась обжигающая волна.

Прочувствовав этот новый приток боли, ощутив, как мучительно сдавливает виски, зажмурился и опустил глаза, но как только пальцы в моей ладони зашевелились, резко вскинул голову.

Родные зеленые глаза, в которых утонул в ту же минуту, сильно потускнели. Их цвет был уже не тем, что раньше, но это не помешало им смотреть на меня с привычной любовью и нежностью.

– Нужно было почти умереть... чтобы услышать это от тебя... — с тоненькой ноткой веселья прохрипела она, но, когда попыталась улыбнуться, неожиданно закашлялась.

– Эл... — подорвался, но, когда собирался позвать врача, она сжала мою руку, останавливая.

– Я в порядке...

Нехотя опустился на край кровати, а затем потянулся к столику.

Налив воды, помог Элейн приподняться и сделать несколько глотков. Когда она благодарно кивнула, медленно поставил стакан обратно, но головы не повернул.

– Мне жаль... — её голос заставил на мгновение прикрыть глаза.

Она прекрасно понимала, о чем я думал. Потому что знала меня, как никто иной. Знала о каждой мысли, каждом чувстве и порыве... вот и сейчас ощущала всю мою боль так,

словно она была её собственной.

— Чем ты думала, Эл... — вертел головой, стараясь сдержать слезы внутри. — Чем руководствовалась, когда... — запнулся, не в силах произнести то, что уже готово было сорваться с языка, — ... я бы перестал дышать, если бы с тобой что-то случилось... ты знаешь, что без тебя — моя жизнь абсолютно ничего не значит...

— Замолчи... — Элейн схватила мои руки, — ...я не хочу, чтобы ты так говорил...

— Тогда почему сделала это? — спросил, наконец, поднимая на неё взгляд. — Почему решила оставить меня?

Эти слова заставили её застыть. Я видел в её глазах вину, но кроме этого, не мог не заметить боль. Сильную. Слишком сильную для такой маленькой, хрупкой девушки. И от чего бы она ни появилась, моя сестра упорно держала её глубоко внутри.

— Я позволила себе стать слабой, — неожиданно ответила она, а затем не спеша, но уверенно закачала головой, — но поклянусь тебе, этого больше не произойдет. Никогда.

Сжал её пальцы в ответ, наблюдая за тем, как облегченно она выдыхает. Этот жест был для неё необходимостью. Так она знала, что я верил ей. Прощал её.

Хотя, черт возьми, если бы она только знала, что прощение в этот самый момент нужно лишь мне одному. Лишь *моей* давно заблудшей во мраке душе.

— Я должен был заметить, — тихо упрекнул себя, — дол-

жен был понять, что есть что—то, что тебя гложет. Но не понял.

— И в этом нет твоей вины.

— Я поклялся всегда защищать тебя, — резко сказал, поднимая на сестру глаза. — Как только ты впервые улыбнулась этому миру, я дал слово, что никогда не позволю этой улыбке исчезнуть даже на мгновение... и что теперь? Я не смог сделать даже этого.

— Это не так... — Элейн завертела головой и неожиданно обхватила ладонями моё лицо. Мне показалось, что её глаза застлала тонкая дымка. — Просыпаясь каждое утро, я улыбаюсь лишь благодаря тебе. Это *ты* учил меня бороться и жить. И это *я* забыла о том, что Бейкеры никогда не сдаются.

— Никогда, — подтвердил, а затем нежно накрыл её руку своей и осторожно коснулся губами ладони. — И больше я не позволю тебе об этом забыть.

— А как же ты?

— Что я?

— Почему *себе* ты это позволил? Почему сдался и отпустил её?

Вздрогнул, отчетливо ощутив, как болезненно заныла рана от занозы, уже так прочно засевшей под кожей.

Я не был готов говорить об этом. Не так. Ни здесь. И ни сейчас.

— Не понимаю, о чем ты, — ответил, сжимая скулы и отворачиваясь.

Элейн не могла не заметить, не могла не понять. А я не мог не совершить этой оплошности. *Дарен Бейкер никогда не ошибается?* Да черта с два это так.

— Она не виновата в том, что случилось, — голос Элейн был полон любви и мягкости, но от этого боль в моих висках не становилась глуше.

Наоборот — лишь сильнее рвала их изнутри.

На секунду прикрыл глаза, но лишь для того, чтобы взять себя в руки. Раны были ещё слишком свежими. А её имя с силой било током по оголенным нервам.

— Доктор О’Нил сказала, что, если твоё состояние этой ночью будет стабильным, то утром мы сможем забрать тебя домой. Но до этого момента я хочу, чтобы ты безукоризненно соблюдала все её рекомендации и принимала необходимые лекарства.

Когда встал с кровати и слегка отошел, — так чувствовал себя менее уязвленным, — заметил на себе молчаливый и пронзительный взгляд Элейн. Она спокойно сидела, сосредоточив на мне своё внимание и при этом совершенно никак не реагируя на мои недавние слова. И всё бы ничего, но я прекрасно знал, что обычно за этим скрывалось.

— Ты всё —таки оттолкнул её... — вдруг тихо, словно не веря собственным же словам, сказала она. Я сильнее стиснул зубы. — Я никогда не критиковала ни одного твоего решения, — завертела головой она, — всегда была согласна с любым твоим выбором. До последнего понимала и поддер-

живала твои поступки, но то, что ты сделал с Эбби... я ведь даже и подумать не могла...

— И не стоит, — резко и даже немного грубо выпалил, разворачиваясь лицом к окну. — Сейчас тебе нужно беспокоиться лишь о своём здоровье.

— ...ты разбил ей сердце...

— Я оградил её от боли, — не выдержав, прорычал, чувствуя, какой мукой отзываются эти слова внутри.

— Заставив уйти? Думаешь, что вдали от тебя она будет счастлива?

— Да. Именно так.

— Тогда ты не прав. Потому что за любовь нужно сражаться!

— Я не... она найдет другого, — сквозь зубы ответил, не сумев заставить себя солгать, — того, кто сможет дать ей то, чего она заслуживает. Без меня ей будет лучше.

— А её мнение ты спросил? С чего мужчины вообще взяли, что имеют право принимать такие решения одни? А если она не хочет никого другого? Если ей нужен только ты? И она готова бороться, мириться, изменяться и менять? Об этом ты подумал? Ну, конечно же, нет! — она рассерженно зарычала, а затем возвела глаза к потолку. — Боже, мой брат самый настоящий осел!

— Закончила? — спокойно спросил, пытаясь скрыть бурю, которая разыгрывалась внутри.

Элейн только открыла рот, чтобы ответить, но доктор

О'Нил прервала её планы.

— Простите, если помешала, но будет лучше, если Элейн немного отдохнет, — она мимолетно улыбнулась, вставая у монитора.

— Я отлично себя...

— Конечно, — перебил сестру, заставляя её запнуться, — так будет лучше.

Подошел к кровати и нежно коснулся губами её уже теплого лба.

— Помни о своем обещании. Я заберу тебя утром.

Их взгляды ненадолго скрестились, но я почти тут же отвел глаза и неторопливо, хотя и не слишком направился к двери.

Уже коснулся ручки, когда неожиданно услышал:

— Верни её. — рука на мгновение замерла. — Без Эбби твоя жизнь опустеет.

Прикрыл глаза.

Секунда. Две. Три.

Сглотнул и рефлекторно кивнул, понимая, что именно эту самую пустоту в данный момент ощущает сильнее всего остального.

— Да, — озвучил свои мысли, а затем крепко сжал пальцами металл, — но её — наполнится. А большего мне и не нужно.

И сказав это, вышел за дверь.

1. Эбигейл

Прислонившись лбом к стеклу, смотрела на бескрайние воды Атлантики.

Я до сих пор не верила, что из окна своей квартиры теперь могу видеть океан.

Настоящий. Живой. Огромный.

Он простирался на многие—многие мили вдоль береговой линии, а затем уходил в закат, далеко—далеко отсюда.

Я смотрела на него уже так много раз, изучив, наверное, каждый оттенок каждой его капли, но у меня всё так же сильно, как и в первый раз, перехватывало дыхание.

«Солнечный штат» или «Штат солнечного сияния» — именно так за тепло и яркие краски прозвали Флориду. И теперь именно этот вечнозеленый и цветущий полуостров был нашим домом.

По крайней мере, я очень пыталась считать его таковым.

Прикрыла глаза, всеми силами пытаюсь отогнать от себя непрошенные воспоминания, но тщетно. Я скучала по Нью—Йорку. Очень сильно скучала. И не его улицы, дома или деревья, любимые и знакомые мне с детства, становились тому причиной, а люди.

Семья, которую я оставила за много тысяч миль позади.

Майк. Нелли. Пол. Элейн.

А ещё... ещё я оставила там того, кто каждый раз заставлял мой пульс замедлять свой ритм. Я старалась выкинуть *Ego* образ из головы и навсегда изгнать из сердца. Но не смогла. Ведь разве человек имеет силы вырвать из земли стволისტое дерево, прочно пустившее в глубину свои могучие, ветвистые корни? Разве я имею на это силы?

Сделав глубокий вдох, медленно открыла глаза, наблюдая за тем, как встает солнце. Я делала так каждое утро. Просыпалась в 5.30, — *потому что спать дольше просто не могла*, — принимала душ, а затем укутывалась в шерстяной плед, несмотря на то, что во Флориде было вечное лето, — *наверное, привычка*, — и с ногами забиралась на подоконник, удобно устраиваясь на мягких подушках.

Именно эти минуты были необходимы мне для того, чтобы просто жить дальше.

Двигаться вперед, несмотря ни на что.

Я просидела так до полного восхода, стараясь освободить мысли после очередной нелегкой ночи. После очередной практически бессонной ночи. А затем, уже почти на автомате спустилась вниз и, отложив в сторону плед, вышла в коридор.

Пройдя несколько шагов, немного помедлила и только услышав легкое, едва различимое сопение, не спеша приоткрыла дверь.

Тоненькая полоска света проникла в темную комнату, но

я остановила её прежде, чем она тронула детское личико. Малышка сладко спала, слегка приоткрыв свой маленький ротик и раскинув руки на подушке, и её такой милый и невинный вид заставил губы невольно растянуться в улыбке.

Помимо мира вокруг: рассвета, заката, смеха людей... основные силы, а главное — желание к жизни, давала эта маленькая девочка. Моя принцесса, в которой и был смысл всего того, что я делала день ото дня.

Именно в ней и ради неё. Благодаря ей я снова научилась дышать.

Осторожно опустив колени на пол, коснулась ладонью её волос.

– Вставай, соня... уже пора.

– Ещё пять минуток... — прошептала Адель, не открывая глаз.

– Знаю я ваши пять минуток, юная леди, — уже громче заметила, выпрямляясь и с улыбкой направляясь к окну. — Тебе только волю дай, и ты проспишь до самого обеда.

Распахнула шторы, позволяя солнечным лучам моментально заполнить комнату, а Адель — поморщиться и взвизгнуть.

Развернулась на звук и заметила, что непоседа с головой забралась под одеяло, по всей видимости, собираясь валяться в постели и дальше. Обреченно, но всё ещё улыбаясь, выдохнула, а затем скрестила руки на груди.

Разбудить эту девчонку раньше десяти обычно стоило

очень больших трудов, но зато вот в школу она потом нес-
лась, как на самый настоящий праздник.

— Что ты делаешь?

— Хочу досмотреть сон, — слышалось еле слышное дет-
ское бормотание, заставившее меня весело прикусить губу.

Я тихонько опустила на корточки, наклонилась и легко
приподняв краешек ткани, заглянула под него.

— Интересный? — Адель кивнула. — Очень—очень?
— снова кивок. — И ты не вылезешь отсюда, пока его не
досмотришь?

— Угу, — прошептала девочка.

— И тебя абсолютно ничто не заставит изменить своего ре-
шения?

Короткое отрицательное качание головой.

— Ммм... хорошо, — кивнула, а затем выпрямилась. — Ты
спи, а я сообщу всем, что ты решила никуда не ехать, и
Форт...

Адель взвизгнула и резко сдернула с себя одеяло:

— ...Лодердейл! — в мгновение ока соскочила с кровати,
а затем с растрепанными волосами и в розовой пижаме на-
чала, словно вихрь, носиться по комнате.

Она старательно, но, однако, со скоростью самой насто-
ящей молнии застелила свою постель, — *к слову сказать:*
обалдеть! — затем достала из ящика всю необходимую
одежду, которую надела на себя так быстро, как не надевала
ещё никогда, и, схватив с прикроватного столика расческу,

побежала в сторону двери.

Её батарейки слегка «выдохлись» лишь на мгновение, когда с горящим и требовательным взглядом, словно это именно она сейчас пыталась поднять меня с постели, повернулась в мою сторону.

– Давай же, идем! Они уже скоро приедут!

Я лишь весело покачала головой, а затем направилась следом за Адель.

Поставив перед ней тарелку с молоком и пачку её любимых хлопьев, взяла чашку с кофе и облокотилась о столешницу. Пока Адель ела хлопья и внимательно смотрела мультик, мысленно заполняла свой «блокнотик с делами», ранжируя пункты по важности, срочности и времени.

На эти выходные мне вряд ли удастся вплотную заняться работой, но я очень надеялась, что несколько минут по несколько раз за сутки в дамской комнате и предстоящая ночь будет в моём полном распоряжении.

Нужно будет связаться с Кэтрин, закончить с планом и декорациями, окончательно просмотреть меню и подтвердить доставку цветов, уточнить про музыкальное сопровождение и ещё кучу и кучу всего, от чего голова практически в прямом смысле слова шла кругом!

Но это было невероятно приятное головокружение, ведь я делала то, что любила. Получала от своей работы удовольствие. А большего и не смела желать.

Как только закончила с посудой и выключила краник,

услышала звонок в дверь.

Еще только направляясь в коридор уже поймала себя на мысли, что не могу заставить себя не улыбаться, — *и так было раз за разом!* — а когда повернула ручку — осознала, что отреагировать иначе просто не имела шансов.

Нет, ну разве это было возможно? Ведь передо мной воплотился самый настоящий Чеширский кот, — *с точно такой же улыбкой!* — ещё и выглядящий так непривычно для моих глаз! До сих пор я не могла поверить, что странный и не внушающий мне совершенно никакого доверия парень, сейчас был таким родным и близким, а одевался, как самый настоящий Джеймс Бонд.

– Я не опоздал?

– Скорее наоборот, — моя улыбка стала шире, — будешь кофе?

– Нет, мы только что из дома, поэтому...

– Урааа! Дядя Тай пришел! — Адель радостно взвизгнула и практически на бегу запрыгнула широко улыбающемуся парню на руки.

– Хей! Как дела у моей Розы?

– Хорошо, — она довольно обвила руками его шею, — я очень скучала по тебе.

– Я тоже, малышка.

– Эй, а меня здесь кто—нибудь ждал? Или только мой мужчина желанен в этом доме? — я тут же обернулась, а когда Мэнди счастливо улыбнулась — не смогла сдержать эмо-

ций и бросилась в её объятия. — Эбби... — она шептала очень тихо, так, чтобы более никто, кроме нас двоих не смог ничего расслышать, — ...ты в порядке? Я имею в виду... я тоже скучала по тебе, но... мне кажется, далеко не это причина того, что ты вот—вот готова расплакаться...

Сделала пару глубоких вдохов, а затем отстранилась от сестры и улыбнулась.

— Всё хорошо. Просто я правда очень скучала. — Мэнди посмотрела на меня со смесью беспокойства и недоверия, явно желая что—то сказать, но звонок мобильного нарушил её планы.

— Это с работы, — отозвалась она, смотря на входящий вызов, — встретимся в машине, ладно? — её вопрос не нуждался в ответе, потому что в ту же секунду она нажала «ответить» и вышла за порог, — да, мистер О`Донохью.

Тайлер недовольно фыркнул, и это не ускользнуло от моего внимания.

— Не нравится её руководство? — пошутила, но уже через секунду крупно об этом пожалела. Скулы Тайлера напряглись, глаза налились яростью, а на лице стала отчетливо видна каждая жилка — этой своей манерой злиться он напомнил мне *Ego*. И напоминал очень сильно. — Милая, иди выключи телевизор и возьми свои вещи. Мы скоро поедem.

Адель кивнула и, когда Тайлер отпустил её, вприпрыжку побежала в комнату.

— Этот индюк звонит ей днем и ночью, — почти сквозь

зубы прошипел Тай, изо всех сил пытаюсь сдерживать свой гнев. — Не дает ей покоя. Даже в выходные названивает. А она и не против!

— С чего ты взял, что она не против?

— Но ведь она ничего ему не говорит, — усмехнулся он, и сделал это как—то нервно. — Один раз он позвонил ей, когда мы были в кино. Попросил приехать. Она сорвалась к нему тут же. В другой раз — когда мы ужинали в ресторане. Она и тогда оставила меня, как идиота, одного. А ещё вчера он звонил ей посреди ночи, потому что, видите ли, не способен справиться с возникшими проблемами! — Тайлер неосознанно повысил голос, но тут же сам себя и одернул. — Угадай, что ответила ему Мэнди?

Я и так это знала. В этом все женщины семьи Дэвис были абсолютно одинаковыми.

— Ты зря беспокоишься, — вздохнула, пытаюсь успокоить еле сдерживающегося парня, — и ревнуешь тоже зря. Мэнди любит тебя. Да и между ней и мистером О`Донохью ничего не может быть, ведь он её начальник...

— Но ведь для тебя это не стало препятствием, — резко усмехнувшись, вдруг бросил Тайлер.

Он понял свою ошибку мгновенно, но исправить её был уже не в силах.

Я ощутила, как задрожала, поэтому незаметно нащупала пальцами стену за своей спиной, чтобы хотя бы прикоснуться к чему—то твердому. Я дышала... а может, и нет... — не

понимала. В этот момент я навряд ли осознавала, в какой реальности нахожусь: там, в своем болезненном прошлом, или здесь — в настоящем, в котором не сразу, но всё же научилась жить по—другому. Жить за стеной собственных воспоминаний, которые теперь накатили с новой, удвоенной силой, снося на своем пути все существующие преграды.

Почти лишая равновесия.

– Прости, я не хотел...

Я лишь медленно завертела головой, пытаюсь отогнать прочь нахлынувшую волну, а затем выдавила из себя улыбку. Я ни за что не покажу своей слабости. Больше никогда.

– Тебе не за что извиняться. Моё прошлое — каким бы оно ни было — было и остается частью моей жизни. И да, ты прав, для меня служебное положение не стало препятствием, но лишь потому, что я сама этого хотела. — слегка оттолкнулась от стены, делая к парню шаг. — У Мэнди совсем другая жизнь. И у неё есть причина сделать другой выбор... — ты.

Когда Тайлер поднял свои глаза, я крепко и ободряюще сжала его руку.

– Не все истории кончаются хорошо. Не у каждой есть шанс на продолжение. Но то, что существует между вами, невозможно сломать. Ваша связь слишком сильна. Она уникальна. И никакой богатенький и самовлюбленный павлин с амбициями ростом с Тауэрскую башню не сможет этого изменить.

Уголки моих губ невольно приподнялись, и Тайлер не

смог не улыбнуться в ответ.

– Спасибо.

– Всегда.

– Я готова! — на бегу весело крикнула Адель, чуть не вре-
завшись в своего друга. — Дядя Тай, а ты сможешь унести
на себе и меня и мой рюкзак?

– Эй, ты еще и спрашиваешь? Кто тут супермен, а? Кто
лучший дядя?

– Ты! — радостно завизжала она и рассмеялась, когда Тай-
лер закинул её на спину. — Ты! Ты! Мой самый сильный и
лучший дядя на свете!

– А ты — моя самая смелая девочка на планете, — улыб-
нулся он, ловя её горящие озорством глаза, — но знаешь,
что? — понизив голос до игривого шепота, он задорно под-
мигнул ей. — Тебе лучше ухватиться за меня покрепче.

– Почему? — так же тихо спросила Адель, сильнее накло-
нив к нему голову.

– Потому что... я собираюсь сделать так!

– Аааа! — малышка завизжала, когда Тайлер неожидан-
но закружил её по коридору, а затем начала звонко и зара-
зительно хохотать.

Она цеплялась за его шею и жмурилась изо всех сил, но
не прекращала смеяться, подставляя своё счастливое личико
создававшемуся вокруг них ветровому вихрю.

Почувствовав тепло, улыбнулась — невольно, с некоторой
долей облегчения и невидимыми слезами счастья, — ведь

впервые с того дня, как мы покинули Нью—Йорк, *её девочка смеялась*. Задорно. Искренне. Легко. Непринужденно.

Всего несколько секунд этого бесценного смеха сумели заполнить давно зияющую в моей груди пустоту. Пусть не полностью. Пусть на время. Но сейчас, в эту самую минуту, я чувствовала, что на самом деле счастлива: мне было ради кого жить, кому дарить свою любовь, заботу и преданность, — а большего я не смела и желать.

Форт Лодердейл напоминал мне Венецию — прекрасную, уютную и романтичную Италию, — городок, о котором мечтала маленькая, верившая в чудеса девочка, а когда садилось солнце — просила Звезду исполнить заветное желание.

Когда я закрывала глаза, представляя закатные краски города, мягко стелящиеся на воду, словно лежащие на холст художника, сердце каждый раз начинало стучать как—то по—особенному: пульс замедлялся, а на губах появлялась невольная улыбка.

Почти такие же ощущения спустя много лет дарил и этот форт — вот, почему я приезжала в него снова и снова. И пусть сейчас я не могла всё бросить и, поддавшись порыву, отправиться на северное побережье Адриатического моря, Италия всё равно всегда оставалась со мной — в моих мыслях, снах и красотах Лодердейла.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

Взволнованный и слегка хрипловатый голос вынудил по-

вернуться.

Фантазии о Венеции едва не заставили меня забыть о ещё одной очень важной причине, по которой почти каждые выходные и праздники мы проводили на вилле — её хозяин, фактически не знающий отказа.

– Да, — уголки губ приподнялись, но глаза продолжали наблюдать закат, — разве в таком месте кто—то может чувствовать себя плохо?

– Ты очень бледная.

– Ты сегодня тоже прекрасно выглядишь, — криво усмехнулась, но на лице мужчины не промелькнуло и тени улыбки. Скорее наоборот — тон его стал ещё серьезнее.

– Когда ты ела в последний раз?

Пальцы сильнее сжали стакан.

Что я могла ответить ему? Точнее, *как*? Ведь прекрасно понимала, что правда ему не понравится, а солгать всё равно не получится. К тому же, я ненавидела водить людей за нос. Но из двух зол лучше всегда выбирать меньшее, ведь так?

– Ммм... недавно, — уклончиво ответила, пытаюсь не смотреть ему в глаза.

– Вчера днем, когда после часа уговоров я фактически кормил тебя с рук? — шепотом уточнил он.

– Я... кажется, ела сегодня утром.

– Кажется?

Еле слышно вздохнула, а затем завертела головой.

– Слушай, совсем не нужно носиться со мной, как с ре-

бенком. Да, иногда я действительно забываю о еде, но лишь потому, что у меня совсем не остается на неё времени. Когда оно появляется — я ем, а порой, как ты, наверное, не мог не заметить, делаю это в просто огромных количествах. Я вообще люблю поесть. Много. Вкусно. Разнообразно и... далее по списку.

Замолчав, чтобы не сболтнуть ничего лишнего и окончательно себя не выдать, пригубила стакан с соком и сделала глоток.

— Ты снова ничего не ела, — произнес он, будто и без всего этого видел меня насквозь, — и думаю, нехватка времени здесь совершенно не причем.

— Я... не голодна, — уже тише ответила, а после недолгого молчания вдруг задорно улыбнулась, постаравшись вложить в этот жест всю ещё теплящуюся внутри искренность. Она игриво развернулась и подняла свой взгляд. — Знаешь, десять стаканов сока оказались невероятно сытными! Это ведь всего лишь сок, верно? Или не просто так с каждой минутой я становлюсь всё веселее и веселее?

Глубокие зеленые глаза, наполненные тревогой и волнением, продолжали смотреть с оправданным недоверием. На твердом лице вновь не дрогнул ни единый мускул.

Грег ничего не ответил.

Осторожно забрал стакан из моих рук и, ласково взяв за запястье, повел за собой.

Всю дорогу до дома я послушно шла следом и, хотя серд-

це кричало, я — не проронила ни звука: вздохнуть и сопротивляться было бы бесполезно, а пытаться оправдаться — глупо. Какие бы объяснения и доводы я не приводила, Грег всё равно оказался бы прав. Причем не только в своих, но и в моих глазах.

Феноменально!

Хотя, если быть честной, к его способности «мягко поведовать» я даже привыкла.

За своими размышлениями поздно заметила, что мы давно оставили виллу позади.

— Куда мы идем? — растерянно спросила, а затем едва заметно усмехнулась. — Если планируешь заставить меня что-нибудь съесть — лучше привяжи к стулу. В противном случае — у тебя ничего не получится.

— Хм. Вообще—то у меня была другая мысль, но и эта довольно—таки неплоха, — со всей серьезностью ответил Грег, — в следующий раз я, пожалуй, так и поступлю.

От неожиданности не сразу нашла, что ответить.

Сначала ошеломленно открыла рот, а затем, полностью осознав его слова, плотно поджала губы и предприняла слабую попытку выдернуть свою руку из его ладони — безуспешно. И неудивительно.

— Ты... получишь этим же стулом, только попробуй вытворить со мной подобное!

— Но ты же сама предложила мне привязать тебя, — насмешливо напомнил.

– Нет!

– Нет?

– То есть... да, но...

– Но?

В зеленых глазах плясали озорные огоньки, а губы понемногу начинали расходиться в улыбке. Его коронной, невероятной притягательной улыбке.

Вот об этом я и говорила: Грег Мартин исключительно прав даже тогда, когда не прав вовсе. И я готова была поклясться, что он имел надо мной какую—то ничем необъяснимую власть: мог успокоить и заставить изменить своё мнение — стоило ему лишь вот так на меня посмотреть.

– Ты невыносим, — рассмеялась и закачала головой, а Грег лишь шире улыбнулся и осторожно привлек меня к себе.

– Этот маленький недостаток с лихвой перекрывают моя наружная привлекательность, врожденная харизма, утонченные манеры...

– ...и невероятная скромность, — с улыбкой закончила за него, уютно устроив голову у него на груди.

– И почему ты до сих пор не сбежала от меня? — рассмеялся он, и, когда его руки крепче прижали моё слегка дрожащее тело к себе, выдохнула:

– Потому что нуждаюсь в тебе, — прикрыв глаза, ощутила, как по коже разлилась знакомая волна тепла и спокойствия.

Рядом с ним в убойной дозе я всегда чувствовала именно это — полный штиль.

Рядом с ним меня покидала боль.

Страхи и тревоги сменялись легкостью и умиротворением.

Его руки обладали поистине целебными свойствами, и в самом деле помогали старым ранам затягиваться.

Хотя бы на время. Хотя бы до тех пор, пока я чувствовала биение его сердца.

То, что я позволяла себе ощущать рядом с Грегом невозможно было объяснить, сложно понять, но очень просто осудить.

Как бы мой поступок назвали со стороны? Беспечность? Эгоизм? Предательство? Легкомыслие? Да. Пусть так. Я готова была согласиться со всем. Лишь бы только жить дальше и не испытывать эту прожигающую душу муку, — потому что терпеть её ни у маленькой сироты, ни уже у взрослой женщины больше просто не было сил.

Сейчас, стоя на причале, вдыхая свежий вечерний воздух, ощущая запах океана и надежные мужские руки, я чувствовала, что, возможно, впервые за долгое время, действительно счастлива. Да, это была иллюзия, но прекрасная иллюзия.

И мне хотелось, чтобы она длилась как можно дольше.

– Как насчет небольшой дозы радости?

Открыла глаза, замечая, как Грег вертит перед лицом бумажным пакетом, сомнительно напоминавшим пищевой, —

откуда он его взял спрашивать не стала — мысль о его магических способностях просто с каждым разом начинала нравиться всё больше и больше.

— Хм... если в нём еда — я даже смотреть не стану.

— А если не еда?

Его вопрос прозвучал так невинно и легко, что, казалось бы, не должен был стать провокацией, но увы, к моему врожденному любопытству это явно не относилось.

— Проверять не буду. — кое—как справившись с собой, ответила. — Я почти на сто процентов уверена, что ты собираешься меня накормить.

— А если у меня другие планы? — улыбаясь, поинтересовался Грег. — Неужели тебе совсем не интересно, что внутри?

Плотно поджала губы, чуть не застонав от осознания собственной слабости. Он и представить себе не мог, как интересно мне было! Хотя, нет, мог, именно поэтому сейчас улыбался шире и довольнее, чем сам Чешир — уж в этом я не сомневалась.

— Провокатор, — сузив глаза, прошептала, быстро забирая пакет из его рук и заставляя Грега рассмеяться в голос. Открыла «подарок», и в нос тут же ударил бесподобный запах свежей выпечки, от которого заурчало в животе. Разглядев незатейливый рисуночек из глазури, не смогла не улыбнуться. — Ты купил мои любимые маффины? С милыми мишками Тедди мимо которых я никогда не могу пройти?

– Нравится? Я очень старательно выбирал каждый кекс.

– Они чудесные, — честно ответил, — спасибо.

– Прости, что не приготовил сам. Ты же знаешь — я и кухня несовместимы.

– О, да! Я помню, как на день Благодарения ты весьма талантливо испепелил бедную утку, — тоже рассмеялась, вспоминая тот пренеприятнейший для Грега казус. — А ведь я оставила вас наедине всего на пять минут.

– Я не знал, что та кнопка увеличивает градус, — теперь уже глаза сузил он.

Мне стало ещё веселее. Я сунула руку в пакет и вытащила один маффин.

– Вот почему я перестала пытаться научить тебя готовить, — улыбнулась шире, а затем откусила кусочек шоколадного десерта.

– Хочешь сказать, что я совершенно ни на что не гожусь?

– Ммм... дай подумать... — выдержала паузу, а затем не спеша развернулась так, чтобы находиться ровно напротив и заглянула ему в глаза. Увидев слегка посерьезневшее лицо Грега, невольно улыбнулась. — Ты фантастический врач. Один из лучших в мире. И просто невероятный человек. Милый, добрый и заботливый. Всегда готовый протянуть руку помощи. Щедрый, ласковый и сильный. Ты не боишься говорить то, что думаешь и чувствуешь. Когда ты шутишь, даже самый опечаленный человек начинает смеяться, а когда улыбаешься — многое тут же обретает смысл.

Сглотнула, а затем сильнее сжала пальцами ткань его рубашки, сознательно опустив голос до шепота:

– Ты, наверное, и не знаешь, что излечиваешь не только тела, но и сердца. Исцеляешь израненные души и... возвращаешь им желание жить. Я ведь тоже... моя душа... — загнулась, пытаясь сделать вдох, но легкие словно что—то сдавило.

Я не знала, почему, но глаза внезапно защипало, а в груди потяжелело так, словно кто—то намеренно хотел причинить невыносимую боль, накидывая гирию за гирей, ожидая, когда я не выдержу и рухну на колени.

Грег слабо шевельнулся, и осторожно обхватил моё лицо ладонями. От его теплого и невероятно нежного прикосновения вдруг стало значительно легче дышать.

– Ты не должна говорить мне всё это, — прошептал он, большим пальцем слегка касаясь щеки. — Не потому, что чувствуешь себя обязанной...

– Грег, я...

– ...если ты совершенно ничего ко мне не чувствуешь, скажи. Скажи, как есть, но прошу, не давай мне ложную надежду.

Его тихая просьба совершенно лишила возможности шевелиться. Я стояла, словно намертво пригвожденная к земле, и при этом была не в силах вымолвить ни слова. Произнести ни звука. Да и знала ли я, что ответить? Знала ли, *как?*

– Кхм, — внезапное покашливание заставило отпрянуть.

Слишком. Слишком резко. Мэнди сделала виноватое лицо. — Простите, что помешала, но... ммм... Эбс, ты нужна на вилле. Прямо сейчас.

— Что случилось? — взволнованно спросила, ощущая, как беспокойно заколотилось сердце. — Что—то с Адель? Она поранилась? Снова кричит?

— Нет—нет, успокойся. Она в полном порядке. Ничего такого не произошло, просто... — Мэнди замолчала, видимо пытаясь подобрать слова. — ...кое—кто приехал и хочет с тобой поговорить, — с видимым облегчением проговорила она, а затем мельком взглянула на Грега. — Наедине. Пожалуйста, ни о чем не спрашивай, просто пошли.

Подняв на Грега глаза, ждала, что он, возможно скажет что—то, отчего мысли перестанут бегать в таком хаотичном беспорядке. Или хотя бы кивнет. Но он просто молча, словно застывшая статуя, смотрел мне в глаза, и я слышала, как тяжело дышал.

Отведя глаза, направилась к сестре. Наверное, только полная идиотка не поняла бы, какое смятение сейчас испытывает мужчина, вопрос которого так и остался без ответа.

Был огорчен? Раздосадован? Да, это можно было без труда прочесть по его лицу.

Но вот я... мои чувства были совершенно иными. Я ощущала... облегчение. И мысленно благодарила того, кто захотел видеть меня именно сейчас.

Около поворота на мгновение обернулась — Грег стоял на

том же самом месте, обратив взор к океану и запустив руки в карманы. Я всё ещё до конца не понимала, что чувствовала к этому мужчине, лишь знала, что «дыма без огня не бывает». Когда он находился рядом — её сердце переставало болезненно ныть. Оно успокаивалось. И просто билось. Может быть, именно это мне и было нужно? *Спокойствие.*

Скользнула пальцами по перилам пирса, а затем повернулась.

Приближаясь к дому, всё явнее ощущала внутреннюю тревогу.

Кто хотел поговорить со мной? И о чем?

Моя семья была со мной. Знакомых, которые бы знали о том, что я в Лодердейле, у меня не было, кроме, разве что, моей помощницы Кэтрин. Но она бы позвонила прежде, чем приехать.

Может быть, Элли смогла отложить свои дела и вырваться хотя бы на денек?

Нет, тогда Мэнди вела бы себя иначе.

Подняв голову, сразу же заметила человеческий силуэт. Дерево закрывало обзор, да и было уже достаточно темно, но в том, что передо мной стоял мужчина — сомнений не было никаких. У него была широкая спина и руки... он сунул в карманы брюк.

Замедлила шаг, пытаюсь понять, не обманывают ли меня глаза: рубашка... я узнала бы эту вещь из тысячи самых похожих, самых идентичных. Узнала бы лишь потому, что сво-

ими собственными руками вышивала *Ego* инициалы на ткани левого рукава. Инициалы, которые теперь смогла отчетливо разглядеть.

Инстинктивно вцепившись пальцами в кору дерева, выдохнула, вместе с воздухом выпустив наружу какой—то странный звук, отдаленно похожий на короткий стон.

Фигура замерла, а затем медленно повернулась.

2. Дарен и Эбигейл

Двадцатью годами ранее

Сегодня стоял самый холодный день января — солнце совсем скрылось, поднялся практически северный ветер, на землю падал снег. Даже одетый в теплое пальто, шапку и шарф, я всё равно чувствовал, как тело прошибает озноб.

Руки были ледяными и дрожали, глаза щипало — они болели, как никогда, — а ещё было невероятно трудно оставлять их открытыми.

Раньше я любил, когда выпадал снег — это означало, что наступила пора веселья и развлечений. Игры в снежки, катание с горок, лепка снежных фигур... — это было незабываемой частью зимы, но не самой лучшей. Не самой ценной и дорогой.

Каждый день с замиранием сердца, сидя у окна в своей комнате я ждал свою маму.

И когда улавливал знакомый звук и видел подъезжающий к особняку красный автомобиль, быстро сбегал вниз и, кое—как накинув на бегу куртку и шарф, несся к женщине, которая была для меня важнее всего на свете.

Обхватывал её талию, прижимаясь к теплому материнскому телу со всей возможной любовью и ощущал, как родные

руки с такой же отдачей обнимают в ответ.

Она опускалась на корточки: целовала мои щеки, нос и лоб своими слегка прохладными губами, а затем мы вместе падали в сугроб, звонко, искренне смеялись и смотрели на чистое синее небо.

Мы делали снежных ангелов, рассказывали друг другу, как прошел наш день, мечтали изменить мир, а затем несколько минут просто молчали. Именно эти моменты были так невероятно бесценны, именно их я так бережно хранил в своём сердце, и именно благодаря им чувствовал, что обязательно сумею сделать мечты явью.

Чувствовал.

Раньше я любил, когда снег укрывал всё вокруг, но теперь мне хотелось кричать, чтобы он остановился, чтобы прекратил падать и оставил нас в покое. Чтобы перестал отдалять нас друг от друга с каждой секундой всё сильнее.

Моя мама... моя любимая мама теперь лежала там, в холодной и мокрой земле, её глаза были закрыты, а сердце не билось. «*Она ушла в лучший мир*» — такими словами отец объяснил мне, почему моя мама больше никогда не сможет меня обнять.

Почему больше никогда не прижмет к своей груди, не поцелует в лоб и не скажет, как сильно любит. *После этого всё изменилось.*

В одно мгновение красота зимней поры, её проказы и развлечения стали казаться маленькому восьмилетнему ребен-

ку обыкновенной иллюзией. Выдумкой. Жестокой и мучительной. От неё в груди теперь долго и невыносимо жгло. Так невыносимо, что хотелось заставить и своё сердце больше никогда не биться.

Тогда, в тот самый день, я впервые узнал, как выглядит боль.

Моя пятилетняя сестренка тихо, чтобы не нарушить покой вокруг, плакала на руках у экономки, — она ещё хуже меня понимала, куда и почему уходит наша мама, но чувствовала, что больше никогда её не увидит. Никогда не ощутит её тепла, не услышит убаюкивающего голоса. Её всхлипы стали громче, и, не выдержав, она резко уткнулась носом в шерстяное пальто. Ласковые руки обняли девочку и сильнее прижали к себе.

Отец стоял впереди всех, около самой могилы и, слушая, как священник читал молитвенник, опустив голову, наблюдал за хлопьями снега, укрывающими слой сырой земли. Этот мужчина не плакал. Ни разу с той минуты. И он так же не проронил ни единой слезинки сейчас. Здесь. Его глаза были пустыми, ничего не выражающими, но спокойными. Такими спокойными, словно совершенно ничего не произошло. Словно это была просто очередная трудность в его жизни, которую он может решить и решит с помощью денег и власти.

Почувствовав внезапный прилив злости, я напряг скулы. Сердце готово было вот—вот разорваться от мучительного

огня внутри, а ноги — понести меня вперед.

Я хотел бить этого человека в грудь. Бить до тех пор, пока он не заплачет. Пока не докажет, что чувствует хоть что—то. Пока не докажет, что в этом нет его вины.

Пальцы уже начали сжиматься в кулак, но маленькая и теплая ладонь, внезапно скользнувшая в мою холодную и слегка дрожащую, заставила боль внутри притупиться. Гнев исчез, не оставив после себя и следа. Словно его и вовсе не существовало.

Медленно повернув голову, столкнулся с большими, карими глазами. До боли знакомыми. В них не было сожаления. Не было сочувствия, излишнего сострадания или неуместной в этот момент жалости. Они смотрели с нужной мне сейчас толикой горечи, но вместе с тем с пониманием и невероятной силой — пока ещё не постижимой, — силой, которая каким—то невероятным образом сумела сдержать и посадить на стальную цепь безжалостного, беспощадного Зверя, который в этот день родился в невинной душе.

Эти глаза умилили *Ego*. Приручили. Но лишь на время. Потому что, однажды ощутив терпкий вкус свободы, Тьма ни за что не остановится, пока не завладеет всем: и душой, и телом, и сердцем, и мыслями. Пока не погубит и не растопчет всё, что несет жизнь и любовь.

Пока не отнимет самое дорогое.

Пока окончательно не уничтожит свет.

Наши дни

Подавил непрощенные воспоминания ещё одним мощным ударом топора.

На этот раз он стал последним — «великан» накренился, а затем с шумом рухнул на землю. Очередное срубленное дерево. Очередной день, так похожий на все остальные.

Очередные мысли, словно водоворот, раз от раза пытающиеся затянуть меня обратно в прошлое, из которого я так долго выбирался. Но так и не понял... выбрался ли?

До боли знакомые руки подняли перед лицом ёмкость с водой. Я ненадолго задержал взгляд на женщине, которая занимала в сердце такое особенное место, а затем подвинулся ближе и сделал несколько больших глотков. Меня так долго мучила жажда, что, дорвавшись, наконец, до воды, я практически целиком осушил кувшин.

— Ты совсем не отдыхаешь, — обеспокоенно сказала Алита, опуская руки вниз.

— Не устал, — выговорил, вновь принимаясь за дело.

— Ты перестал спать, — на мгновение замер, но ничего не ответил. — Долгие месяцы ты работаешь так много, как не работает ни один житель племени. Словно пытаешься извести себя...

— Ураган разрушил почти две трети поселения. И теперь я пытаюсь исправить это.

— И из—за этого же кричишь по ночам?

Ноги сами приросли к земле. Виски болезненно заныли, пытаюсь снова вбросить меня в тот день. *К ней*. К той, мысли о которой всё это время не покидали меня ни на мгновение. И которая виделась мне каждый раз, стоило лишь закрыть глаза.

— Скажи своей матери, — теплая рука Алиты нежно легла на плечо, — что причиняет тебе такую боль? Что заставляет так сильно страдать? — молчал, поэтому она продолжала. — Ты снова от чего—то бежишь? Делаешь то же, что и двадцать лет назад?

— Со мной всё в порядке, ты зря переживаешь... — начал было, но её рука, развернувшая моё лицо, заставила запнуться.

— Ты никогда не мог солгать мне, — твердо, но со всей любовью сказала Алита, — ещё мальчишкой, эти небесные глаза всегда выдавали тебя. И даже спустя годы это не изменилось.

Молча смотрел, представляя ей возможность увидеть всё то, что было ей так необходимо, а затем накрыл ладонью её руку, бережно снял её со своей щеки и ласково коснулся губами. Я не мог не заметить боли в дорогих глазах, но знал, что не могу её заглушить. Просто не имею для этого сил.

— Это никогда не изменится, — тихо ответил, — эти небесные глаза всегда ответят на любой твой вопрос, но не заставляй меня говорить. Не вынуждай произносить вслух то, с чем твой сын ещё не научился справляться... позволь

ему молчать. — сглотнув, пропустил два болезненных удара. — Прошу. Позволь мне молчать.

Заметив, насколько тяжело мне даются слова, Алита выдохнула и прижала меня к себе. Так крепко и нежно одновременно умела обнимать только она. Оказывая поддержку, отдавая все свои силы и, вместе с тем, даря свою безграничную любовь и ласку.

Эта женщина стала мне матерью, которой я отдал частичку себя. Матерью, которая целовала меня и пела, когда я не мог уснуть. Матерью, которая у меня просто была. Единственной, чьи руки я мог почувствовать наяву.

— Я приготовила твои любимые итальянские спагетти, — слегка всхлипнув, словно не сумев сдержать эмоции, прошептала она, — не забудь поесть, когда придешь и не задерживайся здесь допоздна.

Когда она немного отстранилась, коротко кивнул.

Алита выдержала паузу, а затем сосредоточила на мне свой взгляд.

— Я буду любить тебя до своего последнего вздоха. Если будет необходимо, мы с отцом отдадим за тебя свои жизни. И что бы ты ни сделал, кем бы ни предпочел стать — это место всегда было, есть и будет твоим домом. А земли Прерии всегда будут тебя ждать. — она нежно коснулась ладонью моей щеки. — Я хочу, чтобы ты помнил об этих словах каждую минуту, Чавеио. И всегда слушал своё сердце. Оно — наш лучший учитель. И лишь оно способно указать верный путь.

Ощутив её прохладные губы на своём лбу, невольно прикрыл глаза.

Её любовь была благословением. Даром свыше. Каждый её жест, каждое слово, сказанное с такой заботой и лаской снова и снова в стократ уменьшали мою боль.

Делали её глуше.

С каждым её нежным прикосновением я чувствовал, как во мне что—то, но менялось. Злость в бессилии отступала, а по венам начинало разливаться тепло. Я становился живее, мои мысли прояснялись, а раны переставали кровоточить.

Но стоило матери лишь на мгновение разжать свои объятия, как боль возвращалась вновь. Ударяя сильнее. Разрушая защиту ещё больше, чем прежде.

Я не знал, смогу ли когда—нибудь выбраться из этого адского пепелища: избавиться от *Ego* власти, снять с себя болезненно мучительные оковы, но понимал, что до тех пор, пока маленький мальчик будет испуганно жаться в углу — взрослый мужчина не сможет дать врагу достойный отпор.

До тех пор, пока они оба будут пытаться убежать от разъяренного, дикого Зверя, тот будет становиться лишь сильнее, а его удары — лишь сокрушительнее.

А я не могу этого допустить.

Поднял топор с земли и со всей силой замахнулся над срубленным деревом.

Наносил удар за ударом, очищая ствол от веток и разрубая его на части, чувствуя, как с каждым движением страх ма-

ленького мальчика перед безжалостным, бешеным Зверем начинает медленно покидать моё тело.

Тот, кто с самого детства привык бежать от самого себя, от своей настоящей жизни, теперь становился смелее и мужественнее. В моих глазах больше не было растерянности. Пальцы сжимались в кулаки увереннее и сильнее. И теперь я не боялся посмотреть своим страхам в лицо.

Солнце стало медленно заходить за горизонт, — на ещё недавно золотистые поля прерии теперь опускалась ночь. Такая же, как и всегда: темная, тихая, возможно, опасная. Для кого—то — красивая и волшебная, а для кого—то — обыкновенная и совершенно ничего не значащая.

Я не знал, какой она была для меня, но ощущал, что это не так и важно.

Главным было то, *что* эта ночь позволит мне понять.

Какое решение заставит принять.

И как сильно изменит мою жизнь.

Крепче ухватилась за кору дерева, не зная, какое чувство в этот самый момент испытываю сильнее: облегчение или разочарование.

Но выдохнула — однозначно.

— Эй—эй, ты в порядке? — мужские руки вовремя подхватили за локоть.

Темные глаза наполнились беспокойством и множеством вопросов, на которые я не была готова отвечать. Не сейчас.

— Да—а, конечно. В полном. У меня пожизненные проблемы с координацией, ты же знаешь, — постаралась улыбнуться, но так и не поняла, вышло искренне или по принципу «лучше бы не палилась».

— Я не вовремя? Ты выглядишь испуганной.

— Нет—нет, просто... я не ожидала увидеть... — выпрямилась и снова выдохнула, когда мой взгляд невольно упал на вышивку на рукаве. — Откуда у тебя эта рубашка?

— Рубашка? — Пол усмехнулся, быстро окинув себя взглядом. — Несколько месяцев назад нашел её в урне у Д... друга, — запнувшись, выкрутился он, а затем улыбнулся, думая, что я ничего не поняла. — Подумал: «не пропадать же новой вещи», ну и... забрал себе.

— В урне, — шепотом повторила, в горькой усмешке прикрыв глаза. — У друга...

— Да—а, он, знаешь ли, иногда с головой не дружит, — ухмыльнувшись, ответил он, быстро сунув руки в карманы, — а почему ты спрашиваешь?

— Забудь, — завертела головой и, сделав успокаивающий вдох, подняла на него взгляд. — Скажи лучше, почему ты приехал? Что—то случилось?

— В общем—то, да... — начал Пол, по своему обыкновению почесывая затылок, — поэтому мы и здесь...

— Мы? — перебила его, ощущая, как легкие снова что—то пережимает. *Господи, нет—нет—нет. Неужели они сказали Ему, где я? Неужели не сдержали слово?* — Кто ещё при-

ехал с тобой?

Вопрос прозвучал, наверное, слишком тихо, но я очень надеялась, что мне не придется повторять. Мне просто нужен был ответ. Любой ответ. Прямо сейчас.

— Я, — неожиданно ответил голос за спиной, — Пол привез *меня*.

Резко повернулась и тут же встретила с обеспокоенным взглядом больших зеленых глаз. Ощутила такое огромное облегчение, словно с плеч упал тридцати тонный груз. Не меньше.

— Боже, как же я рада, что это ты... — прошептала, непроизвольно прикрывая глаза. — Я думала...

— ...что мы выдали тебя? — закончила за меня Элейн. Она подъехала ближе, и теперь я смогла ещё отчетливее ощутить её волнение. — Я безумно люблю своего брата и готова на всё ради его счастья, но помню, что обещала тебе. И Пол тоже это помнит.

— Хотя это и не легко, — заметил тот, делая несколько шагов вперед. — Я не люблю что—то скрывать. И в особенности, от лучшего друга.

— Я знаю—знаю, — виновато отозвалась, обводя обоих друзей взглядом, — и мне жаль, что из—за меня вам двоим приходится лгать. Но я... не могу иначе, — уже тише закончила. — *Пока* не могу.

В воздухе повисло молчание. Я воспользовалась им для того, чтобы взять себя в руки. *Вдох—выдох. Вдох—выдох.*

Вдох—вы...

— Пол, — позвала его Элейн, — не мог бы ты оставить нас на пару минут?

Он кивнул, а затем как—то ободряюще посмотрел на меня.

— Я буду на веранде.

Не успела ни подумать о том, к чему был этот взгляд, ни уж тем более спросить об этом вслух, потому что почти тут же ощутила, как прохладные пальцы сжали ладонь.

— Пожалуйста, сядь, — тихо попросила Элейн, указывая на скамейку под деревом.

Немного помедлила, но просьбу исполнила. Медленно опустилась на скамью, внимательно заглядывая подруге в глаза.

— Что такое? Ты кажешься встревоженной.

— Потому что так оно и есть, — честно призналась Элейн. — Я в отчаянии, и мне очень нужна твоя помощь, — она сказала это немного хрипловато и почти неслышно, словно еле—еле сдерживала слезы.

— Что случилось? Скажи, и я сделаю всё, что будет в моих силах.

— Обещаешь? — с мольбой во взгляде спросила она, а затем внезапно сильнее сжала мои руки в своих. — Прошу, Эбс, пообещай, что поможешь мне, невзирая ни на что. Пообещай... каким бы трудным и невозможным это не показалось.

– Обещаю. — несмотря на появившееся беспокойство, я уверенно сжала её дрожащие руки в своих: — Всегда и во всем... ты можешь на меня рассчитывать.

Элейн закрыла глаза и сделала несколько выдохов. Она словно успокаивалась прежде, чем снова заговорить. И пыталась подобрать подходящие слова.

– Это касается Дарена, — при упоминании *Ego* имени вздрогнула, чувствуя, как секунда за секундой сердечный ритм начинает учащаться. — После того, как... — Элейн запнулась, но почти тут же продолжила, — ...моё состояние окончательно стабилизировалось, Дарен стал всё реже появляться дома... хотя и не переставал звонить. Лишь это успокаивало меня, лишь так я знала, что с моим братом всё в порядке. Но затем прекратились и звонки. В один из дней он просто исчез.

Я старалась дышать и ни в коем случае не терять контроля над эмоциями.

– Чего ты хочешь *от меня*? — шепотом спросила, когда Элейн замолчала.

– Чтобы ты сказала мне... попыталась вспомнить... я знаю, ты поймешь, где он.

Инстинктивно прикрыв глаза, сглотнула в горле ком. Так долго я держала воспоминания о *Нем* запертыми в большом, мощном сундуке, пыталась жить и не оглядываться назад. Всё строить заново. А теперь человек, который, как никто другой, знал и понимал эту боль, просил меня собственными

руками повернуть в замке ключик и выпустить на поверхность прошлое.

— Ты знаешь своего брата лучше, чем кто бы то ни было, — выдохнула, мысленно ещё держа дистанцию. — И я уверена, ты сумеешь найти его без чьей—либо помощи.

— Эбби...

— Может, он и не хочет, чтобы его искали, — предположила она, а затем как—то нервно усмехнулась. — Проветрится пару недель и вернется, не стоит так пер...

— Его нет восемь месяцев, — заявила Элейн, вынуждая меня сначала замереть, а затем поднять свой взгляд.

— Восемь месяцев?

— Да. Я ничего не слышала о брате уже восемь месяцев. И, если бы я знала, где его искать, то уже давно бы сама вернула домой. Но я не знаю.

— Элейн, я...

— Прошу, — вновь взмолилась она. — Просто подумай. Куда бы он пошел, если бы хотел забыться?

Хотела ответить, что не могу сделать даже этого, что просто не знаю, но вместо этого не сказала ни слова. Думать о том, где *Он* может находиться, было не просто трудно, а невыносимо тяжело. Один *Его* образ, одни, пусть даже и мгновенные воспоминания о его глазах, руках, губах заставляли пульс замедляться, а сердце — снова стучать, как бешеное. Мне было больно, но несмотря ни на что, я собрала в кулачок все оставшиеся силы, крепко стиснула их в своих

пальцах и кивнула. Потому что *Он* был дорог своей сестре. И, что бы не происходило... был дорог *мне*.

— Есть одно место, — прошептала ощущая, как руки подруги сильнее сжимают мои, — оно очень много для него значит. И... я думаю, что если бы он хотел забыться, то отправился бы именно туда.

— Что за место? — с надеждой в голосе спросила Элейн. — Как оно называется?

— Я не знаю... — виновато, даже беспомощно завертела головой, — прости, Эл, он не сказал мне...

— Но ты же была там, верно? — не унималась она. — И знаешь, как туда добраться? Ты ведь запомнила дорогу, да?

— Я... да, наверное... мы огибали Бостон и Сен—Пьер...

— Тогда ты поедешь с нами, — облегченно улыбнулась Элейн, — мы вместе найдем Дарена и вернем домой, а затем...

Медленно забрала свои дрожащие руки. Это заставило Элейн запнуться. Сказать, что я просто перестала дышать, было бы ничтожно мало — сердце внезапно перестало биться. Просто остановилось.

— Эбби...

— Нет... — прошептала, медленно качая головой, — ...не проси меня.

— А кого ещё мне просить? — вдруг спросила Элейн, прекрасно зная, что на этот вопрос у меня не будет ответа. — Если бы у меня был выбор, я бы никогда не пришла к тебе. Но

его нет, — добавила она уже шепотом.

— Я не уверена, что у меня достаточно сил...

— Ты одна из самых сильных женщин, которых мне когда-либо доводилось встречать. И единственная, кому я всецело доверяю, — она опустила глаза вниз и немного помолчала. — Если бы это было возможно, я бы встала перед тобой на колени... — Элейн слабо усмехнулась, будто бы просто не сумела сдержать эмоций, — но это невозможно. Поэтому я прошу... умоляю тебя так, как могу.

Мне стало больно от её слов — внутри что-то сильно, предательски зануло.

Как я могла беспокоиться о собственных переживаниях, когда дорогой мне человек так отчаянно нуждался в помощи? Как могла думать, что моя боль невыносимее? Считать, что имею право руководствоваться своими чувствами, при этом совершенно не заботясь о чувствах других? Разве это не эгоизм? Разве это честно?

Подалась вперед, а затем осторожно взяла руки Элейн в свои.

— Всегда и во всем... — тихо повторила, сжимая её пальцы, — ... ты можешь на меня рассчитывать.

Медленно закрыла дверь, а затем не спеша подошла к зеркалу, руками вынужденно упершись в столешницу. *Мысли.* Уже долгое время они, словно ядовитые стрелы, не давали мне покоя: жгли, нарывали, кровоточили. Я привыкла, что

постоянно чувствую их давление, но сейчас... то, что сейчас творилось в моей голове, было невозможно описать.

Меня крутило с такой скоростью, будто бы мне снова было три, и я просила карусель разогнаться быстрее. Сердце ныло и вместе с тем бешено стучало, пытаюсь бежать с пульсом наперегонки.

Такой ли уж сильной она была на самом деле?

Включив краник, стала прислушиваться к звукам льющейся воды. Говорят, она успокаивает. Помогает разобраться в себе и дает необходимые силы.

Легко коснувшись слабых струек кончиками пальцев, ощутила, как что—то приятное и теплое разливается по телу. Как уходит дрожь и появляется уверенность. Как многое встает на свои места.

Хотя разве я могла знать, правильно ли?

Осторожно убрав руку, подняла глаза.

Каждый день я смотрелась в зеркало, но только теперь замечала, что девушка в отражении стала другой. Изменилась. Её волосы были распущены, но аккуратно и красиво уложены, волнами падая на плечи, а синие глаза и пухлые губы подчеркивал правильный макияж. На мне было легкое иссиня—черное платье до колен с глубоким декольте, которое украшала жемчужная подвеска. В гардеробе больше не было места дурацким кепкам, простеньким топам и потертым джинсам. Их заменили стильные деловые, вечерние и повседневные наряды. Высокий каблук я всё ещё не любила, но

туфли всё равно стали частью моей жизни... новой жизни.

Вот бы и внутренне мы менялись так же легко, как и внешне.

Повернув ручку крана, выключила свет и вышла из ванной.

Увидев Грегa в комнате, немного помедлила, а он, услышав шаги — повернулся.

— Прости, что я без стука, — начал он, засовывая руки в карманы шорт, — просто хотел узнать, всё ли в порядке.

— Да. Всё в порядке.

— Я видел Пола и Элейн, — сказал Грег и замолчал, словно хотел, чтобы дальше я продолжила сама.

Кивнула.

— Элейн хотела со мной поговорить. Ты не против, если они останутся на ночь? Мне не хотелось бы, чтобы домой они возвращались в такой час.

— Уже попросил Мэнди подготовить им комнату.

— Спасибо, — облегченно выдохнула, всё ещё ощущая тяжесть вертящихся в голове мыслей. Прислонилась спиной к стенке, а затем едва заметно улыбнулась. — Ты ведь хочешь спросить меня, верно?

— Да, — честно ответил он, — но не стану этого делать.

— Почему?

— Потому что, когда ты будешь готова, то расскажешь обо всем сама.

И я знала, что всё действительно будет так.

Грег никогда не задавал вопросов, ответы на которые я была не в силах дать, и никогда не пытался узнать больше, чем я готова была сказать. Он до сих пор не знал о том, что случилось в тот день, когда я позвонила ему.

Мне просто нужен был друг, и он с охотой им стал.

Оставшись без работы, я выставила на продажу квартиру. Нэл и Майк, как могли, помогали — одалживали деньги, которые я, к счастью, сумела вернуть, когда через месяц, благодаря помощи Пола, квартиру удалось продать.

Всё это время мы с Грегом не переставали общаться и, когда он узнал о том, что мы остались без жилья, предложил свою помощь. В любой другой ситуации я ни за что бы не согласилась, но в те дни мне как никогда хотелось уехать.

Как можно дальше от Нью—Йорка.

Как можно дальше от своей боли.

— Могу я тебя попросить? — тихо спросила, осторожно поднимая на Грега взгляд.

— Ты можешь не спрашивать об этом, — без промедления ответил он, подходя ближе. — Только скажи, что я могу для тебя сделать?

Зеленые глаза будто заглянули прямо в душу.

Я посмотрела в них и выдохнула:

— Верить мне.

Надев любимые спортивные лосины и майку, перебросила через плечо сумку, в которую сложила необходимые вещи и

мобильный. Волосы оставила распущенными, но резинку на всякий случай надела на запястье.

Там, куда мы отправлялись, погоду в это время года нельзя было назвать тропической, поэтому я прихватила с собой теплый худи с капюшоном.

— Куда ты так неожиданно срываешься? — спросила Мэнди, появляясь на пороге комнаты. Когда я повернулась, сестра стояла, облокотившись о дверной косяк и сложив руки на груди. — Что стряслось?

— Ничего особенного, — контролировать свои эмоции за ночь стало проще, хотя внутри всё ещё осталась мелкая дрожь, — просто Элейн нужна помощь. Ты же знаешь, сколь многим мы обязаны им с Полом.

— Да, но...

— Я постараюсь решить всё как можно скорее, — ласково коснулась щеки сестры, — а ты пригляди за Адель, хорошо?

— Ты могла не говорить, — тихо ответила Мэнди, — мы ведь семья.

— И я очень благодарна тебе за поддержку, — заправив выбившийся локон ей за ухо, улыбнулась сестре, а затем переступила порог и направилась к лестнице.

— Эбс, — голос сестры заставил обернуться. Мэнди немного помолчала, словно всё понимала, а затем тихо добавила, — только не соверши ошибку.

Мы безмолвно смотрели друг на друга ещё некоторое время, пока на лестнице не появился Грег.

— Готова? — кивнула и стала спускаться вниз, так ничего и не ответив.

Возможно, потому, что слова показались глупыми, а возможно потому, что я понимала — Мэнди права.

— Вертолет арендован на сутки, — громче продолжил Грег, потому что, чем ближе мы подбирались к выходу, чем сильнее шум лопастей глушил его слова. — Пилот надежный — Ричард. Ему можно доверять. Думаю, что оговоренного времени вам хватит. Я просто решил подстраховаться.

— Спасибо.

— Поблагодаришь, когда всё решишь, — ответил он, а затем помог мне забраться.

— Элейн и Пол...

— Пол буквально только что был здесь. Терся тут, терся... — Грег стал оглядываться по сторонам, а затем выдохнул, — я схожу за ними. Но дверь пока прикрою. А то с твоей—то координацией, — усмехнулся, заставляя невольно улыбнуться.

Откинулась на спинку сиденья, наблюдая за тем, как он побежал обратно к дому.

Этот мужчина всегда помогал. Бескорыстно. Ничего не требуя взамен. Просто помогал и находился рядом. Словно боялся в какой—то момент не успеть прийти на выручку. Или... просто не хотел находиться вдали.

Что—то перед глазами трянуло, и я резко выпрямилась. Координация на самом деле вновь меня подвела или же...

– Что происходит?

– Мы взлетаем, — спокойно ответил пилот, отщелкивая необходимые кнопки.

– Нет—нет—нет. Мы не можем взлететь! — глаза непри- творно расширились, и я стала озираться вокруг. — Ещё се- ли не все пассажиры!

– Мне не докладывали о других пассажирах.

– Не докладывали... но...

– Пожалуйста, пристегнитесь, — сказал мужчина, пока я пыталась найти подходящие слова.

Обычно я не заводила неуместных и глупых споров в по- добные моменты. Ну, в последнее время не заводила. Вот пристегнуться и тогда можно будет спорить дальше.

– Послушайте... — щелкнув ремнем, я сделала паузу, — ...Ричард, верно?

– Верно.

– Ричард... я была бы вам очень благодарна, если бы вы прямо сейчас посадили эту штуковину обратно. Тогда вы могли бы улететь по своим делам. А мы — сделать вид, что работа была выполнена.

– Извините, мисс. Но прямо сейчас я этого сделать не мо- гу.

– Почему?

– Потому что мы уже над океаном, — весело заключил он, побуждая меня впервые за всё время посмотреть в окно.

Под нами в самом деле простирались огромные, бескрай-

ние воды Атлантики. Солнечные блики играли в каждой капле, приковывая к себе взгляд, будто бы пытаясь успокоить внутреннюю тревогу.

Как я могла так оплошать?

Не успела сказать, чтобы пилот поворачивал, и что я вовсе не шучу, как телефон известил о новом сообщении. Достала мобильный из сумочки и прочитала:

«Милая, с утра я почувствовала себя нехорошо, поэтому мы не пришли к вертолету. Грег сказал, что мне лучше пока не вставать с постели, но, когда пошел известить тебя, вас уже не было. Спасибо, что решила полететь, это очень много для меня значит. Мы очень надеемся, что ты найдешь его и вернешь домой.

С любовью,

Твоя Эл.»

— Господи, это сон... — застонала, отказываясь верить в происходящее, — просто дурной сон...

— Мне нужно задать курс, — после небольшой паузы произнес пилот, полностью возвращая меня в реальность. — Но сначала скажите: мы летим вперед или я всё же разворачиваюсь назад?

Открыла глаза, а затем обреченно откинулась на спинку сиденья и сделала глубокий вдох. У меня не было выбора. Не было.

— Вперед, — перевела взгляд за окно, чувствуя, что ещё пожалею о своих словах, — мы летим вперед.

3. Дарен и Эбигейл

Лежал посреди степи, положив руки под голову и, закрыв глаза, вдыхал чистый утренний воздух. Солнце просыпалось, неторопливо озаряя своим светом владения Прерии и лаская каждый дюйм родной земли.

Обычно, в это время года земля здесь уже начинала покрываться тонким слоем инея, но в этот раз природа не спешила. Всё ещё сохраняя заметную теплоту и лишь изредка позволяя прохладному ветру пронестись над полями в сторону северных гор, она выжидала. Оттягивала холода, словно и сама наслаждалась последними днями осени.

Почувствовав мягкий луч света, поморщился, но не отвернулся. Наоборот — сильнее подставил лицо солнцу. Неподалеку послышался легкий треск, сопровождающийся мощным криком — кроличьи совы, встречая утро, отпугивали врагов. Взмах крыльев, рассекающий воздух и ответный крик сокола заставили открыть глаза.

Этот опасный хищник с шоколадно—серым оперением и пронзительным взглядом долго и выжидающе кружил над моей головой, словно пытался понять, по зубам ли ему такое лакомство.

Заигрывать с такой птицей — не самое безопасное занятие, но разве это может остановить того, кто уже давно при-

вык ощущать себя частью дикой природы? Равным ей.

Словно уловив мои мысли, сокол закричал громче, а затем, оставив непосильную «добычу» полетел прочь от горизонта — в сторону степных скал.

Медленно поднявшись на ноги, встретился солнцем лицом к лицу. Закрыв глаза и сложив руки, сделал несколько ритмичных дыхательных упражнений, вспоминая о том, как решил пройти свой второй в жизни Большой Путь.

Алита надела на мою шею талисман и сказала, что как бы сильно не переменились мои мысли и, что бы я не узнал на своем пути — я всегда останусь Чавеио этого племени: их сыном, другом, сердцем и жизнью.

Кваху так же не стал отговаривать меня. Лишь пожелал, чтобы на моём Пути со мной всегда оставалась сила Велико-го Духа, а затем крепко обнял.

Знание спрятано в каждой вещи этого мира.

Нужно лишь суметь найти то, что ищешь.

Подняв нож с земли — фактически единственное, что позволил себе взять, — сунул его в задний карман, а затем, словно в мамином обереге были заключены все силы мира, крепко сжал камень в пальцах.

Мне нужно было найти себя.

Нужно было понять, сумею ли я справиться с Тьмой, что так прочно сидела внутри.

А для этого я должен был остаться один на один с дикой природой и самим собой.

Поправив старую отцовскую куртку, двинулся вперед.

Вертолет приземлился через несколько часов. Узнав знакомые места прерии, я ощутила, как сердце заколотилось сильнее обычного. Выбравшись из кабины, хотела было попросить Ричарда ждать меня здесь и никуда не улетать, но сказать по правде, он, видимо, и не собирался поступать иначе.

Мужчина полностью отключил махину, снял наушники, а затем удобно устроился в кресле, разворачивая какой—то по—видимому очень интересный журнал.

Потрясающе! Он даже не удосужился поинтересоваться, не нужно ли меня проводить! А вдруг дикие звери? Здесь же они, наверное, есть...

Поёжившись, отбросила плохие мысли прочь, а для пущей уверенности — завертела головой.

Ничего. До поселения было не так уж и далеко. Доберусь сама.

Ричард всё ещё не обращал на меня совершенно никакого внимания, — и это, если быть предельно откровенной, внушило определенные подозрения. Я не стала звать его, не стала ничего ему сообщать, просто развернулась и, сделав успокаивающий вдох, медленно направилась вперед.

Мысли о неправильности поступка, смешиваясь с невероятным страхом, практически разрывали голову на части, но, уже неплохо научившись контролировать свои эмоции и

чувства, я быстро прогнала их восвояси.

За размышлениями о том, что я скажу Ему при встрече — а при этом, главное, ни за что не смотреть ему в глаза, — я и не заметила, как дошла до границы резервации. Уже собиралась развернуться обратно, поняв, что не смогу, как услышала знакомый голос.

– Шейенна?

Поняв, что бежать уже по крайней мере будет неприлично, подняла свои глаза.

Алита стояла у небольшого куста и собирала в корзину ягоды, но, заметив меня, поставила плетенку на землю. Когда она приблизилась, то сразу же обняла, заключая меня в свои теплые объятия. Я не сумела сдержать эмоций и сильнее прижалась к женщине, словно пыталась найти в её руках такие необходимые поддержку и утешение.

– Благословенного дня, — выдохнула, когда Алита нежно коснулась моей щеки, а затем со всей присущей ей бережностью поцеловала в лоб.

– Благословенного дня, дитя моё, — женщина улыбнулась, но очень скоро радость в её взгляде сменилась тревожной растерянностью, — твоё сердце беспокойно. Что заставляет его так учащенно биться?

– Нет, оно не... — хотела было оправдаться, но взволнованные темные глаза заставили передумать, — по правде сказать... я ищу вашего сына, — призналась, хотя так и не сумела найти в себе силы произнести Его имя вслух. — Он

ведь здесь?

Алита молчала. Я чувствовала, что ей есть, что сказать, и что она очень хочет этим поделиться, но что—то будто бы мешало ей это сделать.

— Прощу Вас, — взяла слегка прохладные ладони Алиты в свои, — это очень важно для Его сестры. Элейн. Вы ведь знаете её, так? Она ничего не слышала о брате уже восемь месяцев и, если Вы знаете, где он, или что с ним...

В глазах Его матери промелькнуло... изумление? Она собиралось было ответить, но другой, не менее знакомый голос, помешал.

— Дочь моя, — широко распахнув свои объятия, Кваху направился ко мне.

Улыбнулась Вождю, но не успела ничего сказать, потому что сильные руки вдруг подхватили и, оторвав от земли, крепко обняли.

И как я раньше не замечала, что он такой огромный?

Мужчина рассмеялся, и по телу моментально разлилась волна приятного тепла.

Подумать только, какими невероятными были эти люди. Могли одним взглядом или объятием заглушить внутри любую, даже самую большую боль.

И в его руках, как в руках отца, я забыла о своей.

— Как же я рад видеть тебя! — когда Кваху поставил меня, его улыбка стала ещё шире. — Соскучилась по нам, я прав? Ведь по таким весельчакам невозможно не скучать!

Алита весело закатила глаза и легко пнула мужа локтем вбок.

Я рассмеялась.

Таким, как сегодня, я видела его впервые: *слишком* веселым, *слишком* добрым и *слишком* несерьезным.

— Не обращай внимания, дорогая, — выступила его жена, — у него сейчас период такой. С наступлением зимы наш Вождь из мудрого мужчины превращается в непоседливого ребенка.

— Вы замечательные, — улыбнулась, — и я действительно очень по вам скучала.

Вождь довольно улыбнулся, а затем прижал к себе жену и мимолетно, но со всей нежностью, поцеловал её в макушку.

— Но ведь не это привело тебя в резервацию, верно? — пронизательно спросил Кваху, заставляя спокойствие и беззаботность с лица мгновенно улетучиться. — Тебе что—то понадобилось? Мы можем чем—нибудь помочь?

— Да, я... — запнулась, но взяла себя в руки, — ищу вашего сына.

Брови на лице Вождя слегка сошлись, словно он задумался.

Теперь и он больше не смеялся.

— Но Чавеио здесь нет. Он ушел.

— Ушел?

— Да. Покинул деревню ещё до рассвета.

— Так значит он был с вами?

Вождь кивнул. Казалось, я должна была утешать себя тем, что избежала с Ним встречи, но то, что сейчас чувствовала, вряд ли можно было назвать радостью.

– А куда он ушел?

– Навстречу с Духом. В Большой Путь.

– Большой путь? — перевела глаза с Кваху на Алиту, а затем наоборот.

– Найти себя, — ответил Вождь, и всё остальное стало понятно без лишних слов.

Я не знала всех традиций и обычаев племени и впервые слышала о Большом Пути, но очень хорошо понимала, что происходит с человеком, который пытается отыскать и вернуть свою Душу. Как это сделать и сколько времени на это нужно? Ответа на эти вопросы никто не знал. Для каждого существовал свой способ и срок.

– Может, останешься? — прерывая молчание, предложила Алита. Одной рукой она мягко сжала мою ладонь, а другой — провела по растрепанным волосам. — Мы собираем последний урожай и скоро будем отмечать приход сезона зимы. Будут песни и танцы. Ты смогла бы немного отвлечься и повеселиться.

У меня мгновенно защемило в груди. Если бы они только знали, как сильно мне хотелось остаться и никуда не уезжать. Вновь почувствовать их тепло и поддержку... ощутить себя живой.

– Я хотела бы остаться, но у меня получилось вырваться

всего на несколько часов. Дома очень много работы, — жала руку Алиты в ответ.

Женщина в благословении коснулась моего лица и понимающе кивнула. Именно понимающе. Словно видела истинную причину моего отказа.

— Здесь тоже твой дом. И ты должна обещать, что обязательно приедешь! — Кваху вновь крепко обнял меня, со всей теплотой прижав к своей широкой груди. — Мы закатим такой праздник, что даю тебе слово Вождя — ты уже никогда отсюда не уедешь!

Я не смогла не улыбнуться. Конечно же, я дала обещание, но при этом с трудом сдержала внутри слезы. Просто понимала, что скорее всего вижу этих замечательных людей в последний раз, но переступить порог поселения... позволить воспоминаниям вновь захлестнуть меня — нет, это было бы слишком больно. Слишком тяжело.

Наверное, те эмоции и чувства, с которыми я уходила от деревни всё дальше, невозможно было не уловить. И во взгляде, и словах, и даже в походке.

Я чувствовала, что уезжаю ни с чем.

И только с этими мыслями медленно, как—то обреченно брела к вертолету.

Могла ли я вернуться обратно без Него?

С одной стороны — да, ведь главное, что он был жив и здоров, и эта новость не сможет не успокоить Элейн, но с другой... с другой я ощущала, как какая—то невидимая си-

ла тянула меня к Нему. Но почему? И, главное, куда? Ведь прерия такая огромная!

Заслышав сзади шорох, напряглась, а затем почувствовала, как что—то слабо, но смело потащило её к низу. Обернулась. Самый маленький и самый любопытный парнишка сиу, которым в прошлый раз я никак не могла налюбоваться, осторожно дергал меня за одежду.

— Монгво? — присела на корточки и с нежностью посмотрела на мальчика. — Что ты здесь делаешь?

— Это тебе, — прошептал, вручая кусок смятой бумаги. — Важный секрет.

Я не сразу поняла, что это и от кого, но, когда развернула листочек, ощутила, как сердце заколотилось сильнее.

«Северная Скала.

Вода подскажет путь».

Алита. Не было никаких сомнений — это она послала Монгво с сообщением.

— Ты знаешь, где находится Северная Скала? — тихо спросила, и мальчик тут же кивнул, указывая в нужном направлении.

Ощутила, как маленькие ручки обнимают меня за шею.

— *Сверкающая звезда* сказала, что будет молиться за тебя Великому Духу, — тихо произнес маленький индеец. — Она надеется, что твои глаза больше не будут плакать, как сего-

дня. И его глаза тоже.

Слова Монгво заставили замереть. К горлу подступил ком, а что сказать я просто не нашла. Поддавшись эмоциям, медленно прикрыла глаза и обняла мальчика в ответ.

Объятия — самая эмоционально сильная форма близости: они способны, как разрушить, так и спасти, как вернуть жизнь, так и отнять её. Потому что, только обнимая, человек отдает другому всего себя и позволяет себе на мгновение стать слабым.

— Спасибо, — прошептала, тепло поцеловав в лоб. — Беги домой и береги себя.

— И ты, сестра, — с серьезным выражением лица ответил Монгво, а затем побежал в сторону деревни.

На мгновение прикрыла глаза и, сжав в руках записку, выпрямилась.

Впервые посмотрела туда, куда указал Монгво.

Стоя на возвышенности, со смесью страха и растерянности смотрела на скалы.

Пройти к ним, насколько я поняла, можно было лишь двумя путями: опасным и менее опасным. Первая дорога вела через пустошь, а вторая — вдоль горной реки.

«Вода подскажет путь».

Собиралась было сделать шаг, но остановилась.

Стоило ли идти туда одной? Точнее... не глупо ли было вновь подвергать свою жизнь опасности? Передо мной встал весьма странный выбор, над которым любая другая на моём

месте даже бы и не задумалась: вернуться назад, сесть в вертолет и спокойно отправиться домой или пойти вперед — испытать судьбу и последовать за Ним, не зная, куда, не зная, зачем и не представляя, что меня ждет.

Та рациональная, спокойная и рассудительная Эбигейл, которой я стала, несомненно выбрала бы первый вариант. Но та безумная, эмоциональная и рискованная девчонка, вновь задышавшая во мне сегодня ночью, не могла, а главное — не хотела отступать назад. Она хотела найти *Ego*. Вернуть домой. Выполнить обещание... — ведь сказала подруге, что ни за что не вернется домой без *Него*, — значит, не вернется.

Глубоко выдохнув, сделала шаг, а затем начала не спеша спускаться по пологому склону. Подул легкий ветерок. Я сильнее запахнула худи, не понимая, почему вдруг так задрожала, но решила отбросить лишние мысли.

Оставила лишь одну из них.

Ту, которая должна была заглушить громкий голос разума и помочь сумасшедшей девчонке в самом большом её безумии — *я обязательно справлюсь*.

Или моё имя не Эбигейл Дэвис.

Выбрал самую опасную и тяжелую дорогу к Северной Скале просто потому, что я был не из тех, кто ищет легких путей. Уже несколько долгих часов шел горами и, признаться, очень сильно хотел пить, но спуска к реке пока ещё не было видно.

Конечно, я мог бы добраться до своей цели в два раза быстрее, если бы шел низом, но тогда смысла в дороге не было бы вовсе.

Для того, чтобы найти то, что я искал, мне нужно было пройти через трудности.

Как писал Вербер: *«все препятствия, однажды преодоленные, нам уже не страшны»*, вот почему я пытался пройти их все — чтобы не осталось ничего, что могло бы заставить меня бояться. Быть слабым.

С завидной легкостью перышка и грацией самого настоящего тигра в два счета пересек горный провал и продолжил идти так, словно большой разлом позади оказался обыкновенной трещинкой. Всё потому, что это было не самым страшным препятствием на пути. И я прекрасно об этом знал.

Ветер становился сильнее, а наполовину затуманенное солнце клонилось к востоку — скоро погода переменится и очень сильно.

Глянув вниз, заметил отступ, который мог послужить неплохим спуском. Немного крутой и не совсем безопасный, но лучше будет сойти к реке именно сейчас и постараться найти место, где можно будет укрыться — буря, для появления у которой были все признаки, не заставит себя ждать.

Крепче завязав куртку на бедрах, начал медленно спускаться вниз.

От реки пахло горной свежестью и веяло легкой прохла-

дой.

Легко коснувшись воды, почувствовал, как по венам, словно подчиняясь течению, начинает разливаться приятная и теплая энергия. Несколько больших глотков придали необходимые силы. Ополоснул лицо и шею — и это взбодрило, отгоняя прочь сон.

Развернулся и собрался взобраться обратно на гору, но только и успел, что подойти к подножию. Услышал резкий треск, как от переломившейся пополам ветки, и замер.

Почти моментально уловил сладкий шлейф знакомых духов. *Её* духов.

Почему мне вдруг показалось, что она здесь?

Оглянулся и прислушался. Тишина.

Неужели я просто медленно сходил с ума? Неужели все эти звуки были лишь моим разыгравшимся воображением? Жесточкой шуткой разума?

Горько усмехнувшись собственной же глупости, собрался подняться, но внезапное рычание заставило передумать. Сделав несколько исключительно бесшумных шагов, осторожно свернул, уже прекрасно зная, какого именно зверя обнаружу.

Оправдались ли мои ожидания? Да. За одним единственным исключением, которое, сжавшись от страха, пыталось храбро защищаться небольшой сломленной пополам палкой. Я узнал бы её образ из миллиарда идентичных: *узнал бы своё единственное в жизни исключение.*

Господи, если это сон, сделай так, чтобы он никогда не кончался. А если реальность — не позволяй ей разбиться об острые скалы иллюзий.

Без неё мне невыносимо даже дышать.

Эбигейл стояла ко мне спиной, поэтому не видела, как я стал не спеша приближаться, — её тело было напряжено, а руки тряслись, но, вместе с тем, крепко сжимали ветку.

Включив голову и позволив ей взять верх над эмоциями, стал хладнокровно оценивать ситуацию. Койот заметил меня почти сразу же: слегка оскалился, но с места не сдвинулся. Только спустя некоторое время заметил маленький темно—рыжий комочек, теревшийся о лапы своего родителя, и сразу же всё понял.

Когда сравнялся с Эбби, она повернула голову и, совершенно не скрывая чувств, громко выдохнула. Я не понял — от страха или чего—то другого, но в данный момент решил этого и не выяснять.

— За мою спину, — повелительным тоном приказал, считая, что в данном случае это самое уместное приветствие, — давай же, — уже тверже повторил, в этот раз приводя её своим голосом в сознание. Она слабо дернулась: — медленно.

Я не смотрел на неё: не видел выражения её лица и глубоких синих глаз, но отчетливо слышал, как стучало её сердце и бился пульс.

Ощущал, как сильно она боится и то же время отчаянно желает подойти.

Вытянул руку, чтобы она понимала, что от безопасности её отделяет всего шаг, и Эбби почти не раздумывая ухватилась за неё и, шагнув, спряталась за мою спину, инстинктивно вцепившись в неё пальцами.

Её прикосновение шарахнуло тысячью вольт — неожиданно, опасно, насквозь. Я подавил в себе практически животное желание притянуть её к себе, и, сжав пальцы, стиснул зубы и посмотрел койоту в глаза.

Это был незримый поединок двух сильнейших противников — двух безжалостных волков, преданно и до последнего защищавших своё. Ни один из нас не посягал на собственность другого, но мы оба готовы были вступить в схватку в любую минуту и нещадно разорвать сопернику горло.

Золотистые глаза зверя горели такой же яростью и силой, как и синие глаза человека — и последние ничуть не уступали первым в жесткости и мощи.

Животное всегда чувствует страх ровно так же, как и силу.

И сейчас волк смотрел на меня, как на равного — того, кто не дрожал перед его клыками, но и не являл собой прямой опасности — именно это я дал ему понять.

Оскал, ещё минуту назад яростно прожигающий страх в маленькой испуганной душе, начал смягчаться. Койот слегка пригнулся, чтобы взять в зубы детеныша, а затем, ещё ненадолго задержав на нем свой взгляд, развернулся в сторону ущелья.

Эбби снова выдохнула, но на этот раз от облегчения. Её

хватка стала слабее, а затем она и вовсе разжала пальцы.

Она вышла из—за моей спины, изумленно смотря койоту вслед, словно не верила тому, чему только что стала свидетелем.

— Как ты сделал это? — тихим, но срывающимся голосом спросила она. — Как заставил его уйти?

Боже, как приятно было просто услышать её голос.

Просто почувствовать его вибрации.

— Я убедил его, что они в безопасности, — прошептал, и впервые перевел на Эбби свои глаза.

Она всё ещё испуганно смотрела туда, куда ушел волк и дрожала, но я чувствовал, что она ощущала ту самую... необходимую ей безопасность.

Черт подери, она совсем не изменилась.

Да, её волосы были уложены иначе, на ней были вещи дороже и теперь и без того прекрасные черты лица подчеркивал макияж, но в целом она осталась той же взбалмошной девчонкой. Той же безумной чертовкой, которую я когда—то спас.

Эбигейл медленно повернулась, собираясь что—то сказать, но встретившись со мной взглядом, безмолвно замерла. На самом ли деле в её движениях я уловил муку и... сожаление? Или всё это мне лишь показалось?

— Всё произошло так быстро... — запнулась Эбби, — ... я даже не заметила, как... мне показалось, что тот малыш потерялся или поранился... вот я и подумала...

Я мгновенно всё понял.

Дьявол, ну конечно же! Эта её всеобъемлющая любовь и сострадание ко всему незащищённому — она готова, не задумываясь, рискнуть собственной жизнью!

— Я уже как—то говорил, — внезапно разозлившись, перебил её, — иногда тебе лучше совсем не думать, чем делать это столь безответственно!

Она вздрогнула от внезапно грубого тона. В глазах отразилась обида. И боль.

Снова боль.

Черт!

Я хотел всё исправить. Правда хотел. Но её лицо вдруг изменилось: стало тверже, словно к ней вновь вернулась внутренняя сила и выдержка. Будто бы она вспомнила, что именно она должна ко мне испытывать.

— Не смей! — яростно бросила она, выдерживая мой стальной взгляд. С грацией хищной тигрицы она подошла ближе. — Ведь уж точно не тебе говорить мне об ответственности. Это не я пропала на восемь месяцев, не сказав сестре ни слова! — изумленно уставился на неё, но ответить ничего не успел, потому что Эбби пошла в наступление. — Восемь месяцев, черт подери! Ты хоть подумал, какого всё это время будет Элейн?! Хотя нет, — вдруг усмехнулась она, — о чем это я, конечно же, ты не подумал! Такому Гордецу, как ты, просто не престало снисходить до обыкновенного телефонного звонка!

– Закончила? Теперь могу сказать я?

– Нет, — гневно отозвалась она, подойдя практически вплотную, — потому что теперь говорить буду я.

– Ладно, — это простое слово, сказанное более, чем спокойно, заставило злость Эбби сойти на нет. Я видел это по её глазам и растерянности в них. Она готовилась к бою и не думала, что я первым подниму белый флаг. — Давай. Что ты хотела сказать?

Слышал удары её сердца. Ощущал, как под моим взглядом она начинает сдаваться. Думал, что вот сейчас выйду из нашей игры победителем, но вновь недооценил свою девочку, потому что она гордо и храбро выдержала мой взгляд.

– Больше никогда... — спокойно, но уверенно прошептала она, — даже и не думай, что имеешь право кричать на меня. Я уже не та. *Мы* — не те.

Она пристально смотрела мне в глаза, и я не без удовольствия отметил, как сильно его девочка выросла. Стала смелее. Умнее. Опытнее. Если раньше её упрямые выходки забавляли, напоминая обыкновенное детское бунтарство, то теперь они являлись самым настоящим вызовом. И я наслаждался каждой его секундой.

Я не знал, что будет дальше, не знал, как сильно мы переменились, и какими теперь будут наши отношения, но в одном был безошибочно и точно убежден: *связь* — вот то единственное между нами, что навсегда останется неизменным.

Между ними всегда будет эта необъяснимая... эта космическая связь.

Я поймала себя на этой мысли, когда смотрела в его глубокие, как океан глаза.

Сейчас я испытывала не ярость. Нет. Моими эмоциями в эту самую минуту завладело совсем другое чувство, поглотив меня целиком и полностью. Сердце учащенно забилось, и оставаться в такой непозволительной близости к нему становилось всё невыносимее. И раз от раза ещё и больнее.

Попыталась резко отступить, но внезапно ощутила, как его пальцы сжали запястье. Легко. Почти неощутимо. Однако я всё же замерла, боясь пошевелиться или сделать слишком явный вдох.

— Ты можешь кричать, — выдержав паузу, тихо ответил он, — можешь злиться, швыряться в меня камнями или бить кулаками в грудь... я клянусь... что молча стерплю это. Я не шевельнусь, потому что буду знать, что заслужил. Но прошу... не отворачивайся от меня. — тело будто бы пронзила холодная сталь и, если бы я не сжала пальцы в кулаки, то не сумела бы сдержать мучительный крик. — Позволь мне смотреть в твои глаза, Эбби. Позволь снова утонуть в них. Позволь снова...

— ...сделать мне больно? — прошептала, чувствуя, как каждое слово входит в сердце холодным лезвием, заставляя испытывать ни с чем несравнимые муки. Из последних сил

сдерживая внутри рыдания, не отрывая от него взгляда, я потянулась к прохладным пальцам, сжимающим запястье, пытаясь ослабить их хватку. — Ты сделал свой выбор, — голос сорвался до шепота. — Теперь просто отпусти...

Понимая, что вот—вот не сдержусь, хотела резко вырвать свою руку, но добилась лишь того, что оказалась безвыходно прижата к твердой груди. Дарен тут же обнял меня, и как бы долго и упорно я не сопротивлялась, у меня ничего не выходило.

– Я совершил ошибку.

– Ты испугался...

Ощутила, как он неосознанно кивнул.

– Боялся, что не сумею тебя защитить... что однажды просто не успею...

День в больнице вновь мелькнул в воспоминаниях. По лицу заструились слезы.

– ...это не оправдание, слышишь?... — вырваться было бесполезно, поэтому я сжала маленький кулачок и ударила его в грудь. — ... не оправдание...

– Я знаю...

– Ты был нужен мне... — сквозь всхлипы шептала, выпуская наружу всю свою боль. — Ты был так нужен мне... я жила тобой... жила теми чувствами, которые ты во мне пробуждал, а потом... потом ты просто растоптал их... — горько усмехнулась сквозь слезы, продолжая ударять его кулачком и пытаясь просто не завывать.

Господи, ну почему в груди так сильно жгло?...

– Эбби...

– Отпусти... — умоляла, чувствуя, как голова начинает кружиться, а ноги — слабеть, — ...пожалуйста, ты душишь меня... — думала, что Дарен разожмет объятия, но он лишь сильнее прижал меня к себе.

– Никогда, — услышала его мягкий голос, понимая, что проваливаюсь, — больше я никогда тебя не отпущу.

Поморщилась, ощутив, как что—то холодное стекает по лицу и одежде, и медленно открыла глаза. Всё расплывалось, и я даже было решила, что вновь нахожусь в своей квартире во Флориде, а всё произошедшее за эти сутки — просто кошмарный сон.

Но очень скоро поняла, что ошиблась.

Его лицо было первым, что я увидела. Синие глаза выражали беспокойство и смотрели на меня с таким болезненным и давящим чувством вины, которое моё сердце просто не сумело стерпеть... один удар, второй и оно мучительно сжалось.

– Видимо ни морально, ни физически ты на самом деле не выносишь моего присутствия, — попытался пошутить он, а затем как—то печально усмехнулся и, опустив взгляд, выпрямился. Сердце снова пропустило удар. — Ты была без сознания всего несколько минут, но я не решился оставлять тебя снаружи, поэтому принес сюда.

Только теперь, начав осматриваться, я заметила, что мы были в пещере. Конечно, не в такой огромной, какие я обычно видела в фильмах, но достаточно глубокой — что защищало от внезапно поднявшегося ветра.

— Ты принес меня? — прошептала, смотря ему в спину.
— На руках?

— Мне жаль, если я доставил тебе... неудобства, но там — кивнул он на выход, — вот—вот начнется буря. Спросить твоего мнения я не мог, а идти самостоятельно ты была не в силах. Поэтому да, я принес тебя. На руках.

После его спокойного, пускай и ироничного ответа, мне совсем не хотелось говорить что—то поперек. Кричать на него? Глупо. Обвинять в чем—то? Глупее вдвойне. Он был прав: а Прерии действительно начиналась буря, — от мысли о которой, кстати говоря, мне вновь становилась страшно, — и, если уж и отвечать что—то на его слова, то только не упреком.

— Спасибо, — слегка неуверенно произнесла, вспоминая, как недавно дрожала от страха перед волком. — Ты снова спас меня.

— А ты снова умудрилась попасть в беду, — тихо отозвался Дарен. — Стоит ли мне пытаться узнать, что ты вообще здесь делаешь? — не успела ответить, потому что его губы вновь растянулись в болезненной усмешке. — Предполагаю, что не я — причина по которой ты уехала за много тысяч миль от дома, да ещё и так очаровательно подвергла себя

опасности. Хотела поведать мою мать? — он кивнул на собственный вопрос. — Я понимаю. Отношения между нами не должны повлиять на твою привязанность к этому месту. Но мне трудно понять, как ты оказалась так далеко от племени?

— Мне пришлось, — быстро ответила, пользуясь возникшей паузой, а затем, немного погодя, ответила уже чуть тише. — Выбора не было.

— Потрудись объяснить, — Дарен сложил на груди руки.

О, нет, этот мужчина не просил — он требовал.

Я могла бы послать его, но знала, что если этот Гордец захочет, то всё равно обо всём узнает. А если его «осведомитель» неосознанно или нарочно перевернет всё с ног на голову? Лучше уж пусть услышит от меня. И правду.

— Элейн и Пол приехали ко мне. Попросили помочь.

— Помочь в чем?

— Найти тебя, — просто ответила. Уже не в первый раз заметила этот его таинственно—задумчивый взгляд, но решила разобраться с ним потом. — Ты пропал на восемь месяцев. Элейн места себе не находила от волнения.

Немного помолчав, он подошел ближе.

— Хочешь сказать: моя сестра приехала к тебе, сказала, что я исчез и попросила вернуть? — медленно, но уверенно кивнула. — Поэтому ты здесь? — снова кивок, но уже не такой решительный, как первый. Дарен внимательно смотрел на меня, словно пытался разгадать мои мысли. — Но я не могу понять... почему ты согласилась?

Ответить на его вопрос оказалось труднее, чем я думала. И совсем не потому, что я не находила слов, а потому, что его глаза вновь заставляли меня *чувствовать*.

— Она была на грани отчаяния, — призналась, вспоминая отстраненный взгляд Элейн, — я сказала, что покажу дорогу, а потом... они не смогли полететь. Я уже пообещала ей, — сказала громче, словно защищаясь, — по—твоему у меня был выбор?

— Думаю, что, если бы он у тебя был, ты бы никогда на это не пошла, — тихо ответил Дарен. И на этот раз без всякой усмешки или иронии.

Мне не захотелось подтверждать его суждения, я просто отвернулась, а затем осознанно прикрыла глаза, изо всех сил стараясь успокоить своё гулко стучащее сердце.

4. Дарен и Эбигейл

Сидел у противоположной стены и, прислонившись к камню, наблюдал, как она спала. Мне стоило огромных усилий просто не подойти к ней, не коснуться пальцами родного лица, не провести рукой по светлым волосам... я очень хотел вновь ощутить её сладкий запах... иметь возможность вдыхать его — полной грудью, без остатка. Но сидел на месте и не шевелился. Просто потому, что до дрожи боялся потерять это волшебное мгновение и вернуться в суровую реальность, в которой всё было иначе.

В которой больше не было её.

После моей фразы о выборе, которую я произнес в сердцах, Эбби больше ничего не сказала. Только опустила глаза и, подобрав под себя колени, молча уставилась в пол.

Тот факт, что она сидела на камне, да еще и выглядела белой, как мел, заставили зверя внутри зарычать. Я сумел бы усмирить *Ego*, заставив и дальше тихо сидеть на цепи, но моя маленькая «дьяволица» вновь стала показывать свой «ангельский» характер, вынуждая меня взорваться.

Во второй раз за прошедшие полчаса намекнул на её выдающиеся умственные способности, а она яростно поднялась, напомнив, что я сам усадил её на этот чертов камень. Не дал ей времени почувствовать себя победительницей, и,

сжав зубы, требовательно протянул свою куртку.

Наши взгляды встретились. Заряд. Удар. Она не без раздражения выдернула вещь из моих рук и демонстративно постелила на землю.

Не стал накалять обстановку сильнее и спрашивать, как она сюда попала, а тем более — о чем думала. Ответ был и без того предельно ясен. Опасность? Она словно тот маленький и глупый львенок — смеялась в лицо опасности. Видимо, просто не понимала, что дикие степи прерии — это не улицы Нью—Йорка. Что койоты и песчаные бури — это далеко не всё, чего стоило остерегаться. Потому что самый главный и самый опасный враг — сама прерия. И она не щадит никого, кто слабее её.

Слава Богу, наши дороги пересеклись.

Теперь я был намерен следить за этой безумной до тех пор, пока не удостоверюсь, что больше ей ничто не грозит. Если будет необходимо — сам, перекинув через плечо, оттащу к вертолету. И пусть она только подумает сопротивляться — поймет, что всё это время, я, черт возьми, держал себя в руках!

Когда Эбби успокоилась, настоятельно порекомендовал ей отдохнуть, а лучше — поспать. Ей вновь не понравился мой тон, но, вместо того, чтобы начать спорить, она послушно легла на меховую подстилку и отвернулась к стене.

Снаружи свистел воздушный вихрь, предвещающая сильную и долгую непогоду — буря будет длиться минимум часов пять,

максимум — ... я не хотел и предполагать.

Мы могли просидеть в пещере и целые сутки, но даже, если и не предполагать худшее, самое быстрое, когда всё утихнет — к ночи. Ночь — это в принципе не лучшее время суток для прогулок, а особенно, прогулок в дикой прерии.

Значит, мы останемся здесь, по крайней мере, до утра.

Только сейчас, услышав неподалеку раскат грома и, почувствовав ворвавшийся в пещеру прохладный ветерок, вспомнил, что забыл развести огонь. На улице резко стемнело и, хотя для меня температура была приемлемой, для Эбби — явно нет.

Взяв из—за угла сухие ветки и два камня, опустился на колени и стал вспоминать уроки Кваху. Вот уже многие годы я привозил в деревню спички, которыми жители пользовались с большим удовольствием, но едва ли, забывая об иных способах добывания огня. *Трение*. Вождь всегда говорил, что костер должен быть небольшим, незаметным издали, но, вместе с тем, давать много тепла. Будучи мальчишкой, я никак не мог понять, как что—то маленькое может «рождать» что—то большое. И только спустя годы... долгие годы... наконец, понял.

Она помогла понять.

Расположившись неподалеку, сел на пол и, накинув горку веток, начал тереть камни друг о друга, пытаясь вызвать искру. Она появилась быстро. Впрочем, я всегда был способным учеником.

Отложив в сторону камни, не спеша выстроил из невысоких поленьев шалаш, сложив их срубом — так костер получался широким, но достаточно низким и вполне безопасным на случай, если моя упрямица вновь захочет вляпаться в неприятность.

Повеяло запахом горящего дерева. Воздух в пещере начал прогреваться, а легкий треск веток теперь действовал словно музыка — успокаивая мысли и тело.

Поднявшись, отошел, а затем вытянул руку между костром и входом, желая удостовериться в том, что даже сильный порыв не сумеет потушить огня. Прислонившись плечом ко входу, поднял глаза на небо. Выбросив из головы всё сумбурное и беспорядочное, отстранился от звуков внешнего мира и сосредоточился на своем собственном. Я мог одновременно отключить свои чувства, эмоции, желания и мысли просто нажав на все кнопки разом, но лишь одну единственную всегда оставлял нетронутой — эта кнопка отвечала за инстинкты.

И, когда я позволял себе спать — *Зверь* всегда бодрствовал.

Даже сейчас, во время дождя, мне казалось, что я ясно слышу, как поет прерия. Слышу её живое дыхание и звуки разливающейся мелодии, которую исполняют духи моих предков. Они всегда были рядом. Всегда жили в моем сердце. И в счастливые времена и в трудные... они не выбирали, когда приходить, просто каждую минуту оставались со мной.

Были моей опорой.

– Оставил меня у огня, а сам ушел поближе к холоду?

Слышал её шаги за спиной, но не думал, что она захочет заговорить со мной. Особенно, первой. Сделав незаметный вдох, сложил на груди руки.

– Это моя привычная среда, а вот ты могла замерзнуть.

Опершись о камень, Эбби тоже направила свой взор наружу, но перед этим мне показалось, что уголки её губ слегка дернулись, словно в едва уловимой усмешке.

– Теперь это и моя среда тоже, — прошептала она, заставляя медленно повернуть к ней голову. Сердце сжалось, когда я заметил печальный взор её синих глаз.

Ей было холодно. Все эти месяцы моя девочка чувствовала холод, а меня не было рядом, чтобы это изменить. Потому что я оставил её.

– Иди к огню, — с трудом сглатывая боль, отвернулся, стараясь изо всех сил отбросить вьедливые мысли прочь, — ветер слишком сильный, ты можешь заболеть.

– Как и ты.

– Не имеет значения.

– Что ж, — Эбби кивнула, а затем, сознательно копируя меня, тоже сложила на груди руки, — тогда и я не сдвинусь с этого места.

Прикрыв глаза, чтобы не вспылить, сжал зубы:

– Не зли меня, Эббигейл... — шептал, предпринимая последнюю попытку успокоиться, — лучше сделай, как я гово-

рю.

– Нет.

– Иди внутрь... — развернувшись, бросил на неё свой гневный взгляд, — ...или клянусь... я за себя не ручаюсь.

– Я уже сказала — нет.

Зарычав, настигнул её в два шага и подхватил на руки ещё до того, как она успела что—либо сообразить. Вскрикнув от неожиданности, Эбби инстинктивно ухватилась руками за мою шею. Я был в ярости, в дикой, необузданной... и готов был поклясться, что ещё секунду назад собирался голыми руками сразиться с тигром, — настолько сильна была необходимость дать выход своей злости, — но её руки... стоило им лишь коснуться моей кожи и каждая частичка моего гнева тут же превращалась в тлеющие угольки, через мгновение оставляя после себя лишь серебристый пепел.

Подошел к огню и осторожно поставил Эбби на ноги. Её пальцы разжались и заскользили по моей шее. Бездонные синие глаза прожигали насквозь, — возможно, и она почувствовала, что что—то изменилось, потому что непроизвольно приоткрыла губы.

Пещеру осветила яркая вспышка, и в небе гроыхнуло. Эбби зажмурилась и, сильнее вцепившись пальцами в мою рубашку, прижалась к моей груди.

Ощущая её так близко к себе, я чувствовал, как тепло начинает медленно разливаться по телу — от самых кончиков пальцев и выше, заполняя ещё недавно съедающую меня пу-

стоту. И только теперь, пока она дрожала у меня на груди, вспомнил, как сильно она боится грозы. Панически.

Я очень хотел обнять её, прижать к себе, успокоить, дать понять, что со мной она всегда будет в безопасности — но Эбби резко отшатнулась, будто бы тело внезапно прошибло электричеством, и сделала несколько шагов назад.

– Прости, я... это всё гроза... — не поднимая взгляда, выдохнула она, и я заметил, как задрожали её руки.

Минуту назад она действительно испугалась громовых раскатов, но теперь... теперь в её синих глазах горел совсем иной страх.

Она боялась *меня*.

Сердце пропустило удар. Чтобы заглушить его, я в усилии сжал пальцы.

– Верно, — старался не выдать своих терзаний, — ...ты боишься.

– Да... — призналась Эбби, — и, видимо, намного сильнее, чем думала.

Её голос дрогнул, мгновенно опустившись до шепота.

Говорила ли она о своем детском страхе или вложила в слова совершенно иной смысл — я не знал. Но явственно ощущал, как бешено стучит её пульс. А ещё — каждой своей клеточкой чувствовал её боль. *Каждой. Своей. Клеточкой.*

– Зачем ты это делаешь?

Эбби неосознанно, но лишь слегка нахмурила брови и чуть приоткрыла губы.

– Делаю...

– Почему ты здесь? — уточнил, начиная медленно приближаться.

– Я уже говорила... — она стала интуитивно отступать, — ... твоя сестра...

– ...попросила найти меня, — закончил за неё, коротко кивнув, — да, уверен, это так. Но сейчас я хочу услышать другую... настоящую причину.

Её зрачки расширились, а сердце пропустило удар. Несмотря на то, что внешне она сохраняла полную невозмутимость, я знал — внутренне мои слова попали точно в цель.

– Элейн — часть моей семьи, — её голос не дрожал и звучал на удивление уверенно, — а ради семьи я готова пойти на многое.

– Знаю, — тихо сказал, приближаясь к ней практически вплотную. — Но всё ещё жду, когда ты назовешь *настоящую* причину.

– Она настоящая.

– Не для меня.

На какую—то долю секунды Эбби утихла.

Казалось, вот сейчас она сломается, выдаст себя, как делала это ни один раз, но теперь вместо испуганной, загнанной в угол девочки передо мной стояла сильная и уверенная в себе женщина. Но я понял это не сразу.

– Я сказала правду, — Эбигейл вызывающе, но всё же осторожно посмотрела мне в глаза. — И мне искренне жаль,

если она не такая, как ты думал.

– Эбби...

– Мне всё равно, что с тобой будет, — она говорила это так, словно пыталась убедить в этом и себя, — и, если бы твоя сестра не была в таком отчаянии, я бы никогда на это не пошла. Просто потому, что не могу и не хочу тебя видеть. Никогда.

Её слова хлестнули жесткой плетью: резко, больно, со всей силой. Место удара жгло и хотелось закричать от того, как всё внутри рвалось на части.

– Но ты здесь, — не веря её словам, повторял, — ты всё ещё здесь...

– Лишь потому, что не могу уйти.

Её шепот побудил небо разойтись новым громовым раскатом, словно говоря ему: — *ты — идиот, вот истинная причина. И другой не существует.*

Из горла вырвался смешок — слегка нервный и какой—то невыносимо болезненный. Я пытался, но не сумел сдержать его в себе.

А я не могу тебя отпустить, — вертелось в голове, но с языка сорвалось другое:

– Когда кончится буря, я отведу тебя к вертолету. А до этого момента... обещаю, ты меня не увидишь.

Уловив в её глазах легкое смятение, развернулся, не став дожидаться момента, когда она всё поймет, и молча направился к выходу. Ледяные капли мгновенно прошибли до ко-

стей, но я даже не вздрогнул — моё тело привыкло к холоду. Я сам привык к холоду.

Сделав ещё несколько шагов, прикрыл глаза и подставил лицо дождю.

Мне показалось, что я вот—вот потеряю себя от страха.

Когда Дарен вышел из пещеры, я впервые осознала весь ужас собственных слов.

Я сказала, что мне всё равно. Что я не хочу и не могу его видеть. Господи... если бы он только знал, что каждое моё слово было ложью...

Стоять у выхода из своего единственного укрытия, — практически на границе чертового Ада, — было очень страшно: невыносимо, дико страшно. Мне казалось, что сам Дьявол в эту минуту захватил власть над небом и теперь показывал свою силу, метая самые гигантские молнии, которые я когда—либо видела в своей жизни.

Всё вспыхивало белым светом, сопровождаясь устрашающим грохотом, от которого закладывало уши. Сердце забилось сильнее, пульс участился, пальцы непроизвольно сильнее сжали камень.

— Это не страшно, — успокаивала себя, — я смогу выйти туда... смогу потому, что совсем не боюсь... — попыталась сделать шаг, но очередное гроыхание заставило в испуге отступить. — Господи, я обманула тебя, я боюсь! Я так боюсь!

Инстинктивно прислонившись лбом к влажному камню, закрыла глаза. Руки похолодели, голова закружилась, ноги сделались ватными. *Мне нужно дышать. Это просто... вдох—выдох, вдох—выдох, вдох... Его* слова, как зацикленная пленка, бес конца крутились в голове: «*Человек должен иметь силы бороться даже с самыми дикими страхами. Этот мир не волшебен — он реален. И реально в нем существует только два возможных конца: либо ты побеждаешь свой страх, либо он разрушает тебя*».

Да, я боялась. Чертовски боялась. Но иногда мы переступаем через одни наши страхи, потому что грудь в ужасе сдавливают те, что намного сильнее, — просто цена их ошибки в стократ выше. Сейчас такой ценой для меня был *Он*.

Тот, кто стоял посреди ночной темноты, готовый испытать на себе праведный гнев Небес. Тот, за кого в это самое мгновение болел каждый участочек моей души... а я? Я отчаянно цеплялась за край пещеры, страшась переступить эту шаткую грань лишь потому, что детская фобия бесконтрольно сжимала горло.

Но разве можно было даже пытаться сравнить эти страхи?

Небо разразилось новым раскатом, и на этот раз прямо над *Его* головой.

Выругавшись про себя, на секунду зажмурилась, а затем сорвалась с места.

Я убью Его! Видит Бог, убью! Но сначала затащу обрат-

но!

Ледяные капли падали на лицо, мочили волосы и одежду, но мне было плевать. Я успокаивала себя тихим шепотом, уверенно полагая, что как только добегу до этого недоделанного героя, мне придется очень постараться, чтобы не свалиться в обморок. Но стоило приблизиться, увидеть его насквозь мокрого и вспомнить, в какой небезопасной близости он находится от чертовых молний, как ужас мгновенно сменился бешенством, и теперь я старалась просто не взорваться.

Резко дернув Дарена за край рубашки, развернула его к себе.

— Ты совершенно лишился рассудка?! — закричала, неосознанно вздрогнув от очередного раската. — Слава Богу, что мы не застали торнадо или цунами, иначе бы ты непременно вышел сказать им «привет»! — дождевая вода увереннее пробиралась под одежду: меня трясло, но скорее от негодования, чем от холода. — Я не могу поверить, что ты сознательно подверг себя такой опасности! Оставил меня одну! Ты поступил, как... как самый настоящий эгоист! — выпалила, подобрав подходящее слово. — А если бы с тобой что—то случилось? Если бы молния убила тебя? — мне хотелось кричать сильнее и громче, потому что слезы начинали душить. — Ты подумал о том, что стало бы *со мной*?! Хотя бы на мгновение задумался, через что пришлось бы пройти *мне*?...

– Ты волновалась за меня? — неожиданно спросил Дарен, и я запнулась.

Он внимательно смотрел на меня, позволяя воде течь по лицу и падать с волос. Я остановила свой взгляд на его глазах всего на мгновение, но и этой мимолетной ошибки оказалось более, чем достаточно для того, чтобы безвозвратно утонуть в их синеве. *Родные, глубокие, бездонные, наполненные тягостной, запредельной болью...* — сердце забилось чаще, а затем мучительно сжалось.

– Я не имела в виду... — только осознав, что именно сказала, поняла, что всё это время была на бешеном адреналине: не чувствовала холода и не боялась гнева Неба, и только теперь начинала дрожать по—настоящему. — ...эти места дикие, ты сам говорил...

Замолчала, ощутив, как его прохладные пальцы бережно касаются моих волос.

– До тех пор, пока ты будешь нуждаться во мне ... — тихо начал Дарен, — ...я никогда не перестану дышать.

– Ты не всемогущий Бог, — шептала, ловя губами дождевые капли, — как и многое в нашем мире, эта молния сильнее тебя. И, если бы она захотела, чтобы ты перестал дышать, ты бы перестал...

– Я обещаю, что этого не произойдет. Ты должна верить... — он хотел обнять меня, но я резко отпрянула и, прикрыв глаза, усмехнулась.

– Верить? Я перестала верить, когда ты оставил меня одну.

— Эбби...

— Я уже говорила, — жмурясь сильнее, я была благодарна дождю, который скрывал мои слезы, — я не хочу, чтобы ты был рядом... не хочу видеть тебя... мне всё равно...

— Но ты здесь, — тихо сказал Дарен, и я почувствовала, как он прижал меня к себе, — ты со мной.

— Я уже говорила... — повторяла, пытаюсь высвободиться. — Ты знаешь...

— Нет... — шептал он, касаясь губами мокрых волос, — не в этот раз... не сейчас.

Я снова чувствовала это: легкие с силой пережимало, пульс неистово стучал в висках, а сердцебиение... сейчас оно вновь стало таким же быстрым, как у той маленькой птички Колибри — частотой более тысячи ударов.

— Не надо... — молила, предпринимая обессиленные попытки отстраниться, — пожалуйста, не держи меня...

— Я просто хочу знать...

— Что знать?

— Посмотри на меня, — тихо попросил он, поднимая мою голову вверх. Я открыла глаза, заранее зная, что совершаю ошибку. — Почему ты осталась? Почему пошла за мной, если могла просто уехать? Почему, Эбби?

И снова этот острый, как нож взгляд: мучительный блик, который я была не в силах притупить.

— Отпусти... — испытывая слабость, завертела головой, — я не могу...

— Просто ответь, — его дыхание обжигало, сил сопротивляться почти не осталось, — скажи то, что чувствуешь... глядя мне в глаза.

Сглотнула, ощущая, как слезы без меры, сильнее жгут кожу.

— Боль... — прошептала, сдерживая внутри всхлип, — я чувствую боль...

Секунда. Две. Три.

Это становилось невыносимее — терпеть его близость было слишком тяжело.

Я сделала усилие, пытаюсь выбраться из его объятий, но Дарен обхватил ладонью мой затылок и притянул к себе. Его ледяные губы коснулись моих в нежном, но одновременно твердом поцелуе. Ему не требовалось заявлять свои права, потому что я всегда была только его — и доказала это, когда сдалась.

Его язык мягко проник внутрь и, несмотря на то, что губы обжигали, как раскаленная сталь, дождевые капли делали боль слабее — на время унимали.

Его поцелуй был сдержанным, но я чувствовала, что Дарену необходимо большее.

Он медленно отстранился — наверное, меньше, чем на дюйм — а затем осторожно, будто бы опасаясь причинить мне новую боль, подхватил на руки.

Я не знала, шел ли он или стоял на месте, потому что безвозвратно потеряла всякое ощущение пространства, но, ко-

гда по телу разлилась слабая волна тепла, поняла, что нахожусь около огня.

Дарен бережно поставил меня на ноги, но из объятий так и не выпустил — словно боялся случайно меня потерять. Я почувствовала твердую опору и только тогда решилась на него посмотреть.

Его глаза были моим личным грехом, который с каждым разом всё ближе и ближе подводил меня к дьявольским вратам — к самой их границе. Синие и бескрайние, как Небо, но в то же время темные и глубокие, как сама Преисподняя они отсчитывали время до моей полной и безоговорочной капитуляции.

— Извини, но... мокрую одежду нужно снять, — его шепот был подобен раскату грома, и кроме него я не слышала никакого другого. — Тебе необходимо согреться.

Когда Дарен начал медленно тянуть вниз застежку молнии, невольно приоткрыла губы и выдохнула, ощущая, как тело отзывается и реагирует на его прикосновения. Его пальцы коснулись влажной кожи легко и непринужденно, а затем стали медленно, со всей чувственностью спускаться с плеч промокший насквозь худи.

Бесполезная вещь упала к ногам, а знакомые руки продолжили свой ритуал, побуждая меня сильнее вжаться в камень.

Он просто снимает мокрую одежду, просто снимает—а—ает... с губ слетел произвольный стон, когда Дарен потянул вверх майку. Я испытала самую невероятную

гамму самых взрывных ощущений, но единственное, чего не почувствовала — это холода.

Он наблюдал за каждой моей эмоцией, заставляя смотреть ему прямо в глаза: пухлые губы то приоткрывались, то вынужденно сжимались, чтобы из горла не вырвался ещё один томный вздох. Чтобы он не понял, насколько слаба моя воля.

Но разве он мог не понять?

Дарен приблизился и невесомо, словно случайно коснулся щекой уха. Я зажмурилась и с силой закусил губу. *Мне показалось, что он усмехнулся... — или всё же не показалось?* Не дав мне и секунды на раздумья, он отстранился, а затем бережно укутал в свою куртку.

Его глаза... в который раз за эти минуты я думала о них? В который раз тонула? И сколько ещё сил мне потребуется, чтобы не пропасть в них без вести?

Дарен хотел отойти, но рука произвольно потянулась к его запястью. Мысли металась так рьяно, что я бросила все попытки их понять. И впервые за очень долгое время просто слушала своё сердце.

– Извини, но... мокрую одежду нужно снять, — тихо повторила, и ощутила, как от собственных же слов сердце застучало быстрее.

Не дождавшись ответа, потянулась к рубашке. Дарен не шевелился, но наблюдал — я знала это, пускай в эту минуту и не видела его лица. Меньше, чем через полминуты и его насквозь мокрая вещица застлала собой пол. Помедлив

всего на долю секунды, запустила руки под футболку, чувствуя, как тут же напрягся его пресс, а затем не спеша потянула ткань вверх. И только после этого осмелилась посмотреть ему в глаза: томные, горящие неистовой страстью, но вместе с тем, светящиеся безграничной нежностью.

Где—то глубоко внутри я знала, что совершаю ошибку и что, когда приду в себя, буду испытывать боль, но не могла себя остановить. Просто потому, что *Он* был мне нужен. Хотя бы на эту ночь.

Сделав шаг, прижалась к родному телу и, обхватив ладонями влажное лицо, прильнула к разгоряченным губам. Куртка упала на пол, и Дарен обнял меня сильнее, на этот раз не просто отвечая на поцелуй, а врываясь с новым, запредельным желанием.

Я не заметила, как оказалась на полу. Пальцы заскользили по шее, плечам и спине. В два ловких счета он расправился с застежкой бюстгалтера, и в следующую секунду тот уже валялся где—то в стороне. В голове мелькнула глупая мысль: *лишь бы не в костре.*

– Уверена?

Выгнулась, когда он коснулся губами ключицы. А когда спустился ниже — из горла вырвался стон. Услышала, как он усмехнулся, приняв его за ответ.

Дарен целовал каждый участок моего тела, — каждый его дюйм, — жадно вдыхал запах, словно пытался насытиться им, и так бережно касался губами, будто делал это впер-

вые.

Задержала дыхание, ощутив, как его пальцы потянули на себя последний лоскуток, а когда он коснулся губами бедра... *а—а—ах, Господи, помоги...*

От его прикосновений кожа покрывалась мурашками — я пылала, но этот огонь был несравним с тем, что разгорался у меня внутри.

Огонь, в котором я боялась дотла сгореть.

Дарен чувствовал мой страх. Он остановился, если бы я только попросила. Всё бы прекратил, скажи я хоть слово. Но я не сказала. Стоило мне лишь на секунду поймать его взгляд, поняла, что вновь начинаю проваливаться. И он тоже это понял.

Задохнулась, почувствовав его внутри.

Обхватив ногами ягодицы, впилась пальцами в сильные плечи, выгибаясь навстречу плавным, томным движениям. Пытаясь сдержать мучительно—дикий стон внутри.

Мы любили друг друга молча.

Просто потому что оба понимали — этот момент: наша общая иллюзия.

И больше всего на свете боялась эту иллюзию потерять.

Позволив себе забыться, ловила каждое мгновение рядом с ним.

Толчки становились сильнее, мощнее, чаще, и теперь я до боли кусала губы, из последних сил пытаюсь не закричать. Но то, что сейчас творилось с моим телом, было намного силь-

нее нелепого здравого смысла.

Черт возьми!

Выпустив наружу долгожданный стон, почувствовала, как по каждой клеточке тела начинает разливаться приятное тепло. *Толчок. Второй. Третий.* Казалось, не только наши тела, но и сердца в это самое мгновение слились воедино, бились в унисон, отбивали один, только нам знакомый ритм.

Обняв Дарена крепче, царапала его влажную спину, побуждая раз за разом ускорять привычный темп. Ощущая, что сейчас только два чувства из всего возможного спектра завладели мною целиком — наслаждение и экстаз.

И всё это способен был сделать со мной только *Он*.

Только этот мужчина отбирал у меня возможность мыслить и желание сопротивляться. Открывал во мне что—то новое и рождал стремление покоряться.

Только *Он*.

Тот, кто целовал меня с таким упоением и безумием. Тот, от чьих прикосновений моё тело взрывалось самым красивым, самым завораживающим фейерверком.

Закричала, ощутив, как весь мир в мгновение рассыпался на части.

По щеке скатилась одиночная слеза.

А затем я выдохнула, осознав, что как бы усердно не доказывала себе обратное, всё ещё так же сильно Его любила.

5. Эбигейл

Буря понемногу успокаивалась. Снаружи багровел рас-свет.

Тишину нарушало лишь раннее пение птиц и уже слабое потрескивание веток.

Выдохнув, опустилась на влажный камень, коснувшись его коленями. Я совсем не чувствовала утренней прохлады, но, несмотря на это, ощущала, что дрожу.

Он находился всего в нескольких дюймах. Был так близко и одновременно так далеко... казалось, стоит мне лишь протянуть руку, и я смогу его коснуться. Смогу ощутить родное тепло, успокоить бешеный ритм сердца и, возможно, *вернуть всё назад*...

Судорожно выдохнула, почувствовав, как предательски защемило в груди.

Повернувшись, остановила взгляд на *Ego* лице — умиротворенном и безмятежном — он ровно дышал, его тело казалось таким расслабленным. Оттого и желание вновь коснуться его было нестерпимо сильным. Коснуться и почувствовать запах — родной и чужой одновременно.

Воспоминания о прошлой ночи заполнили мысли. Я с ума сходила только лишь думая о нём. Чувствовала, как реагирую. Снова. Даже, когда просто его «ощущаю».

И не могла это контролировать.

Вот почему должна была уйти.

Осторожно поднявшись, прикрыла глаза и, уняв бешеный ритм сердца, сделала шаг. Я успела выдохнуть лишь раз, а затем почувствовала, как до боли знакомые пальцы сжали запястье. *Вдох—выдох. Вдох—выдох. Вдох...* — сердце вновь понеслось галопом, и пульс тотчас же пустился следом.

Почувствовала, как *Он* приблизился, и от этого захотелось убежать лишь сильнее.

Он не прижимался телом, но, чтобы оказаться на грани безумия, мне хватило и легкого, почти невесомого касания. Дарен развернул меня, заставив перестать дышать.

Ощувив, как пальцы сильнее стиснули плечи, медленно подняла на него взгляд.

Обнаженный по пояс, с легкой небрежностью в волосах, он смотрел на меня глазами, полными непонимания и боли, и всё ещё не разжимал своих рук — словно не просто боялся, что я исчезну, а точно это знал.

— Хотела уйти? — Дарен смотрел так внимательно и проникновенно, будто бы пытался прочесть ответ сам. Я сделала усилие и, отведя глаза, попыталась отстраниться, но его хватка стала только сильнее. — Ты не ответила.

— Не думаю, что у тебя есть право что—то от меня требовать.

Слова слетели с языка сами, но, к моему удивлению, я ни капельки о них не пожалела. Скулы Дарена напряглись, в гла-

зах заплясали огоньки.

— Есть, Эбби. У меня есть это право. И оно всегда будет принадлежать только мне.

На секунду застыла, не зная, что в этот момент сильнее: злость или нечто совершенно противоположное. Я тонула в его глазах, тонула, как и раньше, и только щемящая боль в груди всё ещё помогала владеть собой.

— Всё изменилось, когда ты объяснил, что наши отношения были ошибкой, — как можно тише ответила, — тогда это право перестало быть твоим. Как и я.

Слова хлестнули его по лицу — я видела это. Воспользовавшись моментом, вновь попыталась вырваться, но Дарен рывком притянул меня обратно, крепче прижав к себе.

— Ты никогда не переставала быть моей, — тихо сказал он, а затем резко приподнял мой подбородок, — и доказала это сегодня ночью.

Сердце сделало кувырок, а затем опустилось и замерло. Я понимала, что должна действовать так, как репетировала. Не имея права на ошибку.

— Что я доказала сегодня ночью? — шепотом спросила, выдерживая его стальной взгляд. — Что могу находиться с тобой в одном помещении? Или, что здравый смысл во мне сильнее моих желаний? — его лицо менялось — он внимал каждое слово, и это давало мне сил продолжать. — А, может быть, ты впервые узнал, что между мужчиной и женщиной иногда возникает то, что называется *влечением*? Что?

Что именно я доказала, переспав с тобой? Что ты тот, с кем я хочу разделить свою жизнь? Что я всё забуду, и мы сможем жить долго и счастливо? Разве я говорила тебе что—то подобное? — *Вдох—выдох. Вдох...* — Разве говорила, что люблю тебя?

Последние слова произнесла почти не слышно, но крик внутри никогда ещё не был таким громким. Боль, мелькнувшая в Его глазах, заставила ощутить лезвие ножа у горла.

Господи, почему же так тяжело.

— Я знаю разницу между влечением и чувствами, — рука Дарена легко коснулась моего лица, заставив непроизвольно приоткрыть губы. — И знаю, что ты никогда бы не отдалась мужчине, если бы ничего к нему не испытывала.

— Я изменилась, — холодно ответила, стараясь выбраться из его объятий.

— Да, — шептал он, продолжая прижимать меня к себе, — стала смелее, женственнее, умнее... но осталась той же самоотверженной девушкой с огромным и чистым сердцем, которую я когда—то спас. Девушкой, которая перевернула мой привычный мир, а затем без спроса вошла в моё сердце.

— Это *ты* решил, что больше не будет нас, — ощущала, что начинаю терять уверенность. — *Ты* сказал, что не изменишься. *Ты...* отпустил мою руку. *Ты...*

— И не проходит ни дня, чтобы я не сожалел, не казнил себя за то, как поступил с тобой. И если бы ты простила меня... если бы дала шанс всё исправить...

— Исправить? — слабо усмехнулась, а затем медленно за-
вертела головой. — Как? Повернешь время вспять? Скажи,
ты сумеешь повернуть его вспять? Потому что это един-
ственный способ собрать кусочки моего разбитого сердца.

— Я не могу изменить наше прошлое, — прошептал Дарен,
— но хочу изменить наше будущее.

— У нас нет будущего, — накрыла руками его ладони и
слегка дернула их, убирая со своего лица, — потому что
больше нет нас. Теперь есть ты, и есть я. Врозь.

— Эбби...

— Год назад я готова была бороться, — прервала его, от-
ступая на шаг. — Готова была делать это даже за нас обоих,
веря в то, что придет время, когда ты закроешь меня собой и
крепче сожмешь мою руку... но теперь поняла, что сражаться
за отношения в одиночку — это всё равно, что пытаться
опрокинуть солнце... — губы тронула слабая улыбка, а за-
тем я медленно завертела головой, — ...бессмысленно.

— В тебе говорит боль, — Дарен сделал шаг, но я преду-
смотрительно отступила на два. Знала, что, если он захочет
удержать меня, я никуда не убегу, но всё равно сопротивля-
лась. — Я знаю, что ты всё ещё что-то чувствуешь. Знаю
потому, что даже когда твои губы осознанно шепчут слова
лжи, глаза в этот момент отчаянно выкрикивают правду.

Дарен сделал ещё несколько шагов, вынуждая меня упе-
реться в стенку.

— Ты никогда не сможешь солгать мне, потому что, даже

если твои глаза будут закрыты, я всегда найду ответ здесь, — он поднял указательный палец и легко коснулся теплой ткани, — в твоём сердце.

— Оно ничего не скажет, — соврав, отвела глаза, — и тебе лучше отойти...

— Почему? — с властностью зверя Дарен придвинулся ближе. — Боишься, что оно перестанет молчать?

На мгновение затаив дыхание, вцепилась пальцами в камень.

— Боюсь, что опоздаю на вертолет, — ответила, а затем уверенно подняла голову, — я выполнила обещание, и теперь хочу вернуться домой. — в *Ego* глазах заплясали озорные огоньки. Несмотря на дрожь в коленях, я выдержала близость. — Отойдешь по—хорошему или мне применить силу?

Дарен усмехнулся. Господи, в самом деле усмехнулся.

— Я же говорил, — его горячее дыхание коснулось уха, — ты никогда не сможешь мне солгать.

Он отодвинулся, освободив мне дорогу. Ноги все ещё дрожали, и я боялась, что, если сделаю хотя бы шаг, то он заметит, как моё тело реагирует на его близость.

Проигнорировала холод, который ощутила, когда он отстранился, а затем оттолкнулась от стены.

— Что мне передать Элейн?

Дарен потянулся к одежде, и я отвернулась, чтобы лишний раз не играть с огнем.

– Мм—м... думаю, я должен подумать.

– Издеваешься? — раздраженно выдохнула и резко повернулась, тут же столкнувшись с его глубокими глазами. *Господи, снова так близко...* он стоял всего в шаге, невозмутимо застегивая пуговицы на рубашке.

– Что ты имеешь в виду?

Играет?

– Не важно, — покачала головой и отвернулась, — скажу, что ты в порядке. С остальным разберешься сам.

Не дождавшись ответа, быстро вышла из пещеры. Утренний воздух ударил в ноздри своей свежестью — после дождя всё вокруг дышало как—то иначе, значительно... легче. На губах мелькнула улыбка. Осталось дойти до вертолета, сесть в кабину и удостовериться в том, что эта махина оторвалась от земли. Тогда ч, наконец, смогу расслабиться. Тогда моему кошмару придет конец.

– Может, позавтракаем? Идти на голодный желудок — не самое верное решение.

Медленно поворачиваясь, ещё грела в себе надежду на то, что у меня слуховые галлюцинации, но, когда увидела позади Дарена, поняла, что случилось то, чего я боялась.

– Только не говори, что пойдешь со мной, — совсем не хотела, чтобы мой голос прозвучал одновременно умоляюще и испуганно. Но, кажется, просчиталась.

И, кажется, Дарен получил от подобного «микса» удовольствие.

— Не скажу, — после этого он просто прошел мимо. — Но поеть всё же стоит.

Да он серьезно?!

— Я не голодна. И мне не нужна нянька, — зашагала следом, всем своим видом пытаюсь показать серьезность произнесенных слов. — Я вполне способна выдержать дорогу к вертолету.

— До тех пор, пока не увидишь очередного детеныша койота, — небрежно бросил Дарен, — тебе просто повезло, что здесь не водятся дикие медведи. Боюсь представить, что бы было, не окажись меня рядом.

Сузив глаза, прибавила шагу.

— У меня всё было под контролем, ясно? Я справлялась с ситуацией и не нуждалась в твоей помощи! Но нет, ты не смог не сделаться сказочным рыцарем, решившим исполнить свой доблестный долг! Думаешь, если без спроса ворвался в мою жизнь, защитил от дикого койота, а затем провел со мной ночь, то я забыла ту боль, которую ты мне причинил?!...

Услышала тихий рык, а затем почувствовала, как врезалась во что—то твердое и массивное. От неожиданности покачнулась, но устояла на ногах, потому что Дарен обхватил мою талию и прижал к себе.

От его близости по телу вновь пронеслась штормовая волна, вызывая миллион самых крошечных мурашек. Подняла голову, осознавая, что вновь тону в синих глазах. И что меня

душит уже такой знакомый, пьянящий разум хмель.

— Ты действительно не понимаешь, насколько опасны эти места? Дикая прерия — это не оживленные улицы Нью-Йорка. Здесь существуют свои, безжалостные законы, и их диктует природа. — я не шевелилась, боясь сделать даже обыкновенный вдох, потому что *Он* мог услышать, как сильно бьется моё сердце. — Да, койоты не нападают на людей. Они привыкли сосуществовать вместе с племенами. Но инстинкты — вот то существенное, что отличает человека от зверя. И когда ты подошла к её детенышу, единственное, о чем она думала в этот самый момент — как сильно хочет тебя растерзать. А теперь представь, что бы с тобой было, не пояись вовремя сказочный рыцарь, решивший исполнить свой доблестный долг.

— Ты прав, — прошептала, чувствуя, как пульс начинает стучать в ушах, — мне нужно было быть более осмотрительной.

Раньше я и подумать не могла, что этот человек может сделать меня *такой*... зависимой. От воздуха, который *Он* вдыхает. От частоты ударов, с которой бьется *Его* пульс. От прикосновений, которые заставляют терять волю... от *Него*... и тех ощущений, которые я испытывала, когда *Он* находился так близко и одновременно так далеко.

Словно прочитав мои мысли, Дарен отвел глаза и отстранился, выпустив меня из своих объятий. *Холод. Вновь этот лютый, невообразимый холод.*

— Ты не захотела спорить, — пройдя немного вперед, произнес он, — почему? Что изменилось?

Сложила на груди руки и, лишь полностью выровняв дыхание, зашагала следом.

— Многое, — ответила, осторожно возводя глаза к небу, — и я в том числе.

Дарен отреагировал на мои слова — я видела, чувствовала, знала, — но ничего не ответил. Мы шли в полной тишине и на некотором расстоянии, и каждый был поглощен собственными мыслями. Солнце уже давно взошло, а небо потеряло свои багряные краски, уступив место воздушному, нежно синему цвету.

Ощутила, как сжался желудок. Впервые вспомнила, что ничего не ела уже целые сутки. Да, в последнее время отсутствие обедов и ужинов в моём уплотненном расписании не было чем—то редким и необычным — я могла не вспоминать о еде долгими часами: с утра и до самой ночи, а то и следующего дня, но сейчас отчего—то ощущала чувство голода намного острее, чем обычно.

Открыла было рот, собираясь сказать об этом вслух, но передумала. Сказать о голоде, значило бы остаться здесь ещё на несколько часов. С *Ним*.

Нет. Будет лучше промолчать.

— Где вы приземлились? — спросил Дарен, не поворачивая головы.

— На том же месте, что и ты, — ответила, узнавая мест-

ность вокруг, а затем осторожно добавила, — но твоего вертолета там не было.

Он немного помедлил. Обдумывал, что сказать? Или не хотел говорить вовсе?

— Да. Не было.

Его ответ прозвучал отстраненно и резко. Поняв, что на этом их разговор окончен, не сказала ни слова. Возможно, *Он* делал всё правильно. Через несколько минут мы расстанемся. Так к чему были эти пустые разговоры? Зачем?

— Фея моя, а ты уверена, что вы сели именно здесь?

— Что? — резко вскинув голову, замерла. Осознание происходящего пришло не сразу, но, когда это случилось, я не сдержала обреченного выдоха. — Господи, ты верно шутишь...

— Думаю, что это не в Его характере, — усмехнулся Дарен, облокочиваясь плечом о дерево.

— Нет—нет—нет, быть не может... — кинулась вперед и, встав посреди поляны, стала испуганно озираться по сторонам.

— Он что, улетел?! Он мог улететь?!

— Ты *меня* об этом спрашиваешь?

— Боже, что же теперь делать... — игнорируя *Его* увеселительные издевки, обхватила руками голову. — Здесь нет аэропортов, а если забредают случайные корабли, то так редко, что пока я буду ждать — успею состариться!

Когда застонала от отчаяния, Дарен не сумел сдержать ти-

хого смешка.

— Может, перестанешь смеяться и что—нибудь придумаешь? — раздраженно выпалила, поворачиваясь к нему.

— Зачем? — он слабо улыбнулся, а затем сложил на груди руки. — Чтобы ещё раз услышать, что я без спроса ворвался в твою жизнь? Правда, если ты захочешь... — оттолкнувшись от дерева, он начал медленно приближаться — ...я мог бы забыть о твоих словах и на некоторое время вновь стать твоим доблестным рыцарем.

Последние слова он уже шептал, стоя всего в шаге от меня и проникновенно смотря в мои глаза. Я ощутила, как сердце вновь понеслось галопом.

— Захочу...

Дарен едва заметно кивнул, а затем придвинулся ближе.

— Тебе стоит только попросить, — тихо произнес он, лаская ухо каждым словом, — и признать, что ты всё ещё нуждаешься в моей помощи. Как и во мне.

Слова заставили замереть, но я быстро пришла в себя. Пальцы сжались в кулаки. *Секунда. Две.* Резко отстранилась и бросила на него полный возмущения и злости взгляд.

— Я ни за что не стану просить тебя! Пусть сами небеса разверзнутся, но ты никогда не услышишь от меня подобного!

Губы Дарена расплзлись в хищной улыбке, а глаза вдруг ярко запыхали.

— Я уже как—то говорил тебе, — он сделал шаг, инстинк-

тивно побуждая меня отступить, — не бросайся обещаниями, которые однажды придется нарушить.

— Кому, как ни тебе об этом знать, — одними губами прошептала, заставляя его мгновенно перемениться в лице. Собрав в кулачок остатки самообладания, набрала в легкие воздух: — Я сама найду решение. И твоя помощь мне не понадобится.

Сумела выдохнуть лишь когда отвернулась.

На миг прикрыв глаза, отошла в сторону и, обхватив себя руками, прислушалась к биению пульса. Делала шаг за шагом, не зная, куда бреду и зачем, понимая лишь одно — мне необходимо уйти как можно дальше, скрыться из Его поля зрения. Потому что, если *Он* посмотрит на не меня ещё хоть раз, моё сердце разобьется, как хрусталь, разлетевшись на миллиард ледяных, режущих стеклышек.

Внезапный порыв ветра подхватил волосы, заставляя ощутить легкую, но приятную дрожь. Почувствовав запах воды, непроизвольно подняла голову, почти тут же изумленно застыв. *Океан*. Я дошла до него, даже не подозревая, куда направляюсь.

Завороженно наблюдая за тем, как солнце переливами играет по прозрачной синей воде, не сразу заметила, что нахожусь в бухте, окруженной высокими, массивными скалами. *Яхта*. Меньше, чем в двухсот футов от меня, пришвартованная к небольшому деревянному причалу, стояла яхта — моя надежда и моё спасение.

— Поверить не могу... — прошептала и, сорвавшись с места, понеслась прямо к судну. Оно было небольшим, но внешний вид кричал о том, что его владелец весьма состоятельный человек. — Эй! Простите! — зашагала по доскам, осторожно заглядывая в окна. — Есть здесь кто—нибудь?

— Тебя не учили, что подглядывать нехорошо?

От знакомого голоса вздрогнула. Я уже знала, кто именно стоит за моей спиной, но даже поворачиваясь, продолжала надеяться, что ошиблась.

— Ты... — раздраженно выдохнула, — только не говори, что следил за мной!

— И не собирался, — просто ответил Дарен, — я пришел в свою бухту.

— Свою, — сложив руки на груди, я развернулась, — и как я могла забыть, что абсолютно всё в этом мире принадлежит тебе? Остров уже назвали в твою честь? — язвительно спросила, наблюдая за тем, как он опускает лестницу. — Или эта яхта? Я уверена, что ей выпала большая честь носить...

Запнулась, когда взгляд невольно опустился на передний корпус. Сердце забилося, как сумасшедшее, ноги стали ватными, дыхание сбилось. Красным по белому на яхте было выведено имя, но совсем не то, которое я не удивилась бы, увидев. Не то... *Господи, если таким образом ты решил подшутить...*

— Что это? — губы сами прошептали вопрос. Дарен молчал и, не сдержавшись, резко схватила его за руку и, повер-

нув к себе, указала рукой на надпись. — Я спросила, что это? Чья это яхта? Чье имя? — тряхнула его сильнее, заставив поднять глаза. — Не молчи! Скажи же мне! Чья это яхта?!

— Моя.

Одно слово. Всего одно невинное слово, произнесенное тихим, почти неслышным шепотом ударило с силой, от которой мгновенно зазвенело в ушах.

Задрожав, пальцы ослабли, а через секунду отпустили тонкую ткань.

— Почему... — шептала, понимая, что начинаю глотать слезы, — ...зачем ты сделал это? Чтобы что—то доказать?

— Нет, — тихо ответил Дарен.

— Тогда скажи мне... — замотала головой, ощущая, как сердце совершает очередной болезненный кувырок, — ...зачем ты играешь?

— Я не играю, — ответил Дарен, — и никогда не играл...

— Нет, играл! — неожиданно закричала, выплескивая наружу всю накопившуюся внутри боль. — Ты играл со мной и с моими чувствами, а когда надоело — выбросил, как ненужную вещь! Я была лишь марионеткой в твоих руках! Куклой, которая безвольно выполняла твои приказы!

— Эбби...

— Я доверилась тебе, — говорила, медленно качая головой. — Открылась. Подпустила к своей семье. К Адель... — мой голос сорвался, но я не замолчала. — А ты... если ты

знал, что не хочешь быть частью всего этого, то зачем подошел так близко?! Почему не предупредил, что мне нельзя тебя любить?!

Закричала так громко, что от неожиданности сама в отчаянии закрыла глаза и уши. Слезы ручьями текли по лицу — мне хотелось вопить от боли, что есть мочи, хотелось топтать ногами и бить кулаками в грудь, и я просто не понимала, как это остановить.

— Позволь мне объяснить... — молил Дарен, — выслушай хотя бы раз...

Сделала судорожный вдох — воздуха в легких было всё ещё слишком мало. Слезы душили, эмоции, словно электрический ток, били по всему телу. *Всё это было слишком тяжело. Слишком невыносимо.* Завертев головой, я медленно отступила назад.

— Не могу... — шептала, всё больше удаляясь от его шагов, — ... я устала терпеть эту муку... у меня нет сил...

— Ты должна меня выслушать.

— Нет... — завертела головой, ощутив, как земля вокруг начала быстро вращаться, — я не хочу...

Ноги окончательно ослабели и подкосились, но я успела ощутить, как меня подхватили сильные, до боли родные и любимые руки.

— Я всё ещё живу в твоём сердце, — услышала. — И, как бы ты не сопротивлялась, всегда буду тем, кому ты отдала часть своей души.

6. Эбигейл и Дарен

Этот соблазнительный, дурманящий, лишаящий воли запах... самый божественный из всех, которые мне доводилось чувствовать.

Сочное жареное мясо, свежие овощи и горячий, ароматный кофе.

Невольно застонала и, непроизвольно перевернувшись, уткнулась носом в подушку. Замерев на мгновение и, сжав пальцами грубоватую, но в то же время приятную к коже ткань, стала медленно открывать глаза. *Бархатное покрывало шоколадного оттенка, прикроватная тумбочка, белые стены...* — я определенно находилась в какой—то комнате... но только вот отчего—то совсем не узнавала обстановку.

В голове одна за другой начали вспыхивать картинки недавних событий: *буря, пещера, ночь, вертолет, головокружение и ещё Его руки...* резко подскочила, догадавшись, где именно нахожусь. В этот момент комнату слегка качнуло, заставив растерянную меня почти окончательно перестать сомневаться в правильности предположения.

Осторожно спустив босые ноги вниз, ощутила, как они коснулись мягкого ковра. Небольшое помещение, в котором я оказалась, покинув спальню, было обставлено доро-

гой и стильной мебелью в таких же коричнево—белых тонах. Взгляд непроизвольно упал на уютный уголок, в котором стоял холодильник, микроволновая печь и плита. Ноги сами понесли туда, и я даже не заметила, как приподняла крышку сковородки. В ноздри снова ударил запах горячей еды. Желудок скрутило. И чтобы подавить вырывавшийся из горла стон, я зажмурилась, отбросив крышку обратно.

— Эбби, держи себя в руках. Тебе совсем не нужна эта еда, — приговаривала, а для убедительности ещё и качала головой. — Ты ведь знаешь, чья это яхта, верно? Значит, понимаешь, кто именно приготовил эту еду. И именно поэтому совсем не хочешь её пробовать. Она не вызывает у тебя ни малейшего желания... а её запах такой... такой... — вымученно застонала и прислонилась к стене, — ...божественный...

Обещала себе держаться. Обещала, что больше никогда и ни за что не приму от *Него* помощи, хотя и понимала, что давно превысила допустимую норму.

Желудок заурчал, вступив в сговор с подсознанием.

Возможно, если я попробую один маленький кусочек, то смогу вернуть себе самообладание. К тому же, отсутствие всего одного кусочка *Он* даже и не заметит. А, если не заметит, то и не поймет, что я проявила слабость.

Закусив губу, огляделась и прислушалась. Вокруг стояла давящая, но спасительная тишина. Бесшумно подойдя к столику, отыскала в ящике алюминиевую вилку и, насадив на неё ароматный кусочек говядины, невольно вдохнула его

пьянящий аромат.

Всего один. Он ничего не узнает.

Проверил показатели на спидометрах и надавил на рычаг, постепенно увеличивая ход. Я чувствовал себя комфортно в любой стихии: и на земле, и в воздухе, и в воде, но, лишь пересекая океанские волны, и врезаясь в них на полной скорости, ощущал это ни с чем не сравнимое, безграничное чувство свободы.

Дернув штурвал, резко развернул судно, заставляя его подпрыгнуть. Брызги воды попали на волосы и одежду, и это заставило невольно улыбнуться. Пролетая через волновые препятствия, гнал судно со скоростью почти 70 узлов¹, но оно всё равно двигалось ровно и плавно, словно знало, что везет самый бесценный груз на Земле.

Простая, но в то же время роскошная. Обыкновенная, но вместе с тем исключительная. Единственная из миллиона самых непохожих достойная носить *Её* имя.

Проведя пальцами по сенсору экрана, ещё раз сверился с показателями и, выбрав нужный маршрут, включил автопилот. Я преодолел самые труднопроходимые участки, и теперь судно могло легко идти самостоятельно.

Если погода не переменится, мы доберемся до места ещё до заката.

Спустился на одну ступеньку вниз, но образ Эбби, недав-

¹ 70 узлов – 129 км/час;

но безвольно обмякшей в моих руках, заставил помедлить. Я принес её в каюту и не отходил от постели до тех пор, пока не убедился, что она в порядке. Мне не хотелось тревожить её. Не хотелось заставлять вновь чувствовать боль. Ни тогда, ни сейчас.

Вот, почему я ушел.

Чтобы дать ей время подумать, прийти в себя, и...

Подняв руку, взглянул на наручные часы. Я был на палубе без малого двадцать минут. *Всего* двадцать. Много это или мало, правильно или нет... Эти вопросы — последнее, о чем мне хотелось думать. Я просто чувствовал, что не должен был находиться вдали от неё. Ведь, когда Эбби не было рядом, вся моя жизнь теряла смысл.

А эта её очаровательная привычка влипать в неприятности?

Усмехнувшись собственным же мыслям, принялся медленно сбегать с лестницы.

Внезапный и тяжелый грохот заставил поднять голову. Эбби резко повернулась и неосмотрительно врезалась в столешницу, произвольно, на мгновение, вскидывая руки к лицу. Металлическая крышка демонстративно прокатилась по деревянному полу между нами и, ударившись о стенку, со звуком упала вниз.

– Если тебе захотелось сыграть в «Гатс»², то стоило вы-

² Гатс — это командный вид спорта с летающим диском («Фрисби» или подобным).

брать что—то более... плоское, — пошутил, наклоняясь к крышке. Когда повернулся, Эбби намеренно отвела глаза. Немного помолчал, а затем, убрав ухмылку с лица, сделал шаг. — Послушай, я...

— Если бы ты лучше следил за санитарией на своей яхте, то твои крышки не летали бы по каютам, — прошипела она, всё так же смотря в точку на стене. — Я испугалась, увидев мышь. Отскочила от стола и задела рукой крышку. Вот, почему она упала.

Брови непроизвольно поползли вверх.

Мышь? На моей яхте? Она что, серьезно?

— Я приму к сведению твоё замечание, — ответил, а затем спросил: — ты ела?

— Нет, — спокойно, но твердо заявила Эбби. — И не собираюсь.

— Правда? — подошел ближе. Стоя всего в нескольких дюймах, ощущал, как бешено и бесконтрольно стучит её пульс. — Тогда почему сковорода пуста?

На этот раз она медленно, с опаской, но всё же подняла свои глаза: синие, бездонные, дьявольски прекрасные.

Черт подери... я был готов тонуть в них снова и снова.

— Я же сказала, — тихо начала она, забирая из моих рук крышку, — мыши.

Молчал, наблюдая за тем, как она возвращает её на место, а затем, словно остерегаясь моей близости, отходит на расстояние. Я узнал то, что хотел — это успокоило и заставило

непроизвольно улыбнуться.

— Что ж... — кивнул и, прислонившись спиной к столешнице, сложил на груди руки, — если так, то, надеюсь, им понравилась еда. Соли было достаточно?

— Да, но перца ты мог бы добавить и побольше... — Эбби резко развернулась, но тут же осеклась, когда поняла, какую оплошность совершила.

Она открыла было рот, чтобы ответить, но я перебил её.

— Знаю—знаю, — произнес он, примирительно выставив ладони вперед, — мои маленькие друзья сказали тебе об этом по секрету. — забавляясь её растерянностью, еле сдерживал улыбку. — Я прав?

Она помолчала. Вначале на её лице появился легкий испуг, затем он сменился негодованием, а после — перешел в нечто более мощное и эмоциональное. *О, да, моя девочка определенно обладала удивительной способностью быстро брать себя в руки.*

— Могу я узнать, куда ты меня везешь?

Переведя тему, Эбигейл тоже скрестила на груди руки.

Дарен кивнул.

— Домой.

— Я больше не живу в Нью—Йорке.

— Знаю, — тихо ответил он, проходя мимо, — поэтому везу тебя *не* в Нью—Йорк.

Повисло недолгое молчание.

Секунда. Две. Три.

Эбби неожиданно как—то нервно усмехнулась.

— Ладно, слушай... здорово, что ты, наконец, научился шутить, но при данных обстоятельствах это выглядит немного... нелепо. Ты ведь даже не знаешь, где находится мой дом, — она улыбнулась шире и завертела головой — даже продолжая стоять спиной, я ощущал каждую её эмоцию, улавливал каждое движение.

Я чувствовал, как каждая секунда моего безмолвия заставляet её дыхание менять свой ритм: учащаться, становиться прерывистым. Сейчас всем её естеством начинал завладевать бесконтрольный, всепоглощающий страх. Медленно повернулся, а затем осторожно поднял вверх глаза. Нашт взгляды встретились — электрический заряд ударил со всей силой, и её последние надежды тут же превратились в горстку серого пепла.

— Как давно ты следишь за мной?

Немного помолчал.

— Давно.

— Сколько? — на выдохе спросила Эбби, отчаянно обнимая себя руками.

— Десять месяцев.

Она снова усмехнулась, а затем непроизвольно прикрыла глаза.

— Ты ведь знаешь не только, где я живу, верно? — Эбигейл сделала судорожный выдох. — Вся моя жизнь лежит у тебя на ладони...

Дарен попытался оправдаться:

– Мне просто необходимо было знать...

– Знать, что? — резко вскинув голову, яростно выпалила она. — Номер моего лицевого счета? Операции по кредитке? Репутацию работников «БестДэй»³, — ты ведь не мог пройти мимо моей работы, я права? — она не стала затягивать паузу, потому что уже заранее знала ответ. — А как насчет моего расписания? О нем тебе тоже известно?

– Я не мог иначе... — сделал шаг, но Эбби по обыкновению отступила на два.

– Не мог?! Ты вторгся в *мою* жизнь! — она стукнула ладонью по груди. — *Мою личную* жизнь! Кто позволил тебе сделать это?!

– Я сам.

– Ты не мог! — неожиданно зарывчав, бросила она. — Потому что это *моя* жизнь! *Моя!* И только я могу дать кому бы то ни было право быть её частью!

Сердце пропустило удар.

– И Грегу Мартину ты это право дала?

Эбби застыла.

Слова сорвались с языка непроизвольно — я хотел, но не сумел их остановить.

Совладав с собой, она сделала выдох и отвернулась:

– Наши с ним отношения тебя не касаются.

³ YourBestDay – агентство во Флориде, занимающееся организацией мероприятий.

– Между вами нет никаких отношений.

– Неужели? — она вскинула голову, а когда он приблизился, саркастично улыбнулась. — И это известно тебе, потому что...

Она терпеливо ждала, пока я продолжу фразу, и лишь сейчас заметила, что за это время я придвинулся к ней почти вплотную. Когда Эбби попыталась отступить, то внезапно для себя самой уперлась в дверь каюты.

– ...прямо сейчас я вижу ответ в твоих глазах, — прошептал он, наблюдая за тем, как она неизбежно поднимает на меня взгляд.

Её пульс застучал быстрее, и каждая клеточка реагировала на мою близость точно так же, как и раньше. *Точно так же.*

Мне вдруг показалось, что вот он, тот самый момент. Момент, когда она всё поймет и перестанет бороться со мной, когда в поражении поднимет руки. Сдастся. Даст мне шанс всё исправить. Но эта женщина снова сумела меня удивить.

– Ты не можешь увидеть в моих глазах то, чего в них нет, — прошептала Эбигейл, упирая ладони мне в грудь. — Как и не можешь каждый раз нарушать мои границы, — её усилие было слабым, но она всё же сумела меня оттолкнуть.

Воспользовавшись моим замешательством, Эбби отодвинула дверь и вошла в каюту. Мне потребовалось всего две секунды, чтобы обдумать собственные действия, после чего я прошмыгнул в уже начавшую уменьшаться щелку, схватил

ошарашенную Эбби за руку, а затем прижал к стене.

— Я буду нарушать их, — прошипел, когда она подняла на него свои слегка шокированные глаза. — Потому что эти границы — мои. Как и ты. Вся ты.

— Нет...

Эбби вновь попыталась оттолкнуть меня, но я перехватил её запястья и ловко пригвоздил их к кожаной вставке на стене.

— Да.

— Нет! Ты не имеешь права делать это со мной! — зашипела она, предпринимая отчаянные попытки вырваться, и не понимая, что моя хватка была сильнее. — Хватит! Ты ведешь себя, как дикарь!

— Ты вынуждаешь меня, — прохрипел, заглушая болезненные стоны внутри, — но если для того, чтобы не потерять тебя, мне нужно становиться таким, то я буду. Каждый раз я буду становиться таким...

— Но ты уже потерял меня! — вымученно выкрикнула Эбби, переставая брыкаться и смотря мне прямо в глаза. Её голос стал тише. — Пойми это, наконец.

— Я не отпущу тебя, — сжал запястья сильнее, — не совершу эту ошибку снова.

— Для того, чтобы отпустить кого—то, нужно его держать.

— Я держу тебя. Прямо сейчас.

— Не так, — шептала она, — не физически... эмоционально. Сердцем. Потому что лишь оно способно по—настояще-

му кого—то удержать.

— Да, — тихо ответил, не ослабляя хватки, — знаю. Ведь именно сердце привязало меня к тебе. И привязало так крепко, что порой меня пугает сила этой связи. Но я хочу её чувствовать, Эбби. Хочу потому, что каждый день без тебя — это пытка.

— Перестань... — шептала она, с болью зажмуриваясь.
— Прошу...

— Я не могу без тебя. Не знаю, что ждет нас дальше, но в одном я уверен наверняка: мне хочется засыпать и просыпаться только рядом с тобой.

— Хватит... — взмолилась, начав вырываться, словно желая убежать, как можно дальше. Но я прижал её лишь сильнее.

— Ты нужна мне. Я не сказал этого раньше, потому что, несмотря на всю свою смелость, был трусом. Но теперь я осознал. Я могу дать тебе то, что ты хотела. — она испуганно замерла и задрожала. — Ты — не просто моя необходимость... ты нечто намного большее... и я не хочу отпускать тебя по одной единственной причине... — сглотнул, машинально чуть сильнее сжав пальцы, — потому что я тебя...

— Нет! — неожиданно завопила Эбби, заставляя меня запнуться. — Замолчи! Хватит! — она не смотрела на меня, но я видел, как по её щекам текут слезы. — Ты не смеешь так поступать со мной! Прекрати делать всё это!

— Эбби...

— Когда ты рядом, мне хочется умереть! — сильнее закричала она. Слова заставили вздрогнуть, а затем подсознательно ослабить хватку. Эбби всхлипнула и обессилено завертела головой, опустив голос до еле слышного шепота. — Я устала чувствовать это... я не хочу... почему ты просто не оставишь меня... почему не дашь жить дальше... что я сделала тебе... чем заслужила такую муку...

Она потянулась руками к волосам и, запустив в них пальцы, стала медленно скатываться по стене. Вымученно прикрыл глаза, а затем с силой сжал кулаки.

Я хотел всё исправить. Просто хотел всё исправить... погнавшись за овладевшим желанием, забыл, какие терзания вынуждает испытывать ту, чью душу собственными руками вынул из тела. Выскользнув из ладоней, она полетела вниз, разлетевшись на миллионы мельчайших частиц. И я был не в силах вновь собрать их воедино.

— Прости, — прошептал, преодолевая жгучую боль внутри, — я... — эмоции взяли верх, и я с силой стукнул кулаком по стене, — ...прости.

И, пока не стало поздно, покинул каюту.

Я ещё никогда не чувствовала *такой* сильной боли.

Даже в тот день, когда *Он* ушел.

Тогда я ощущала острую, колющую боль в груди, словно кто—то резко вонзил в сердце нож, а затем намеренно оста-

вил его внутри. Со временем я привыкла ощущать постоянное давление металла. Со временем рана начала затягиваться, а боль притупилась — стала чем-то повседневным, нормальным, неотделимым.

Но теперь всё было не так.

Теперь мне казалось, что кто-то обхватил рукоять ножа и стал прокручивать его. Раз за разом. Оборот за оборотом. Заставляя испытывать ни с чем несравнимую муку.

Мне хотелось не просто кричать во всё горло, а громко рыдать, крушить стены, падать без сил, а затем вставать и начинать всё сначала. Снова падать и снова вставать. И так до тех пор, пока боль окончательно не покинет тело. *Но было ли это возможно?*

Он собирался сказать слово на «л»... Господи, для чего? Ведь я прекрасно знала, что он этого не чувствовал. Что слова, которые имели для меня такую большую ценность, для него ровным счетом не значили *ничего*. Тогда зачем он хотел солгать? Чтобы приблизить меня, а затем, когда почувствует страх, вновь оттолкнуть? Если тогда я поднялась, справилась с болью и сумела найти в себе силы жить дальше, то, случись такое снова, это сломает меня окончательно. *Навсегда.*

Запрокинула голову, ощущая, как по щекам всё ещё текут слезы. Я не могла остановить их, но отчаянно, до боли сильно хотела забыться. Чтобы не чувствовать эту пытку хотя бы немного. Хотя бы несколько часов.

Взгляд упал на небольшой встроенный шкаф и на то, что

поблескивало за закрытым стеклом. *Возможность. Шанс на время выпасть из реальности.*

Открыв дверцу, потянулась к темно—зеленой бутылке с надписью: «*Шато Марго...*» и что—то там ещё, дальше читать не стала. Закрыв шкаф, стала отпечатывать бутылку, параллельно выискивая глазами штопор. Была это удача или же Божье благословение, но штопор, словно приманивая взгляд, спокойно лежал на прикроватном столике, ожидая, пока я откупорю им бутылку. Что я, собственно, и сделала.

Выдохнула, слегка помедлив перед открытой бутылкой.

Действительно ли алкоголь помогает забыться? Правда ли заглушает боль?

Поднеся горлышко к губам, наклонила бутылку и сделала глоток. Вначале ощутила слегка кисловатый, но в то же время сладковатый вкус винограда. Он заставил поморщиться, и уже через секунду сменился вяжущим, немного горьковатым привкусом. Горло обдало жаром и, я, не раздумывая, глотнула ещё. Невольно зажмурившись, кашлянула, почувствовав, как в этот раз всё внутри обожгло сильнее, но, несмотря на это, по телу разлилась приятная волна тепла.

Я никогда не думала, что смогу выпить хотя бы бокал, но через несколько минут осушила добрую половину бутылки. Сердце начало стучать сильнее, кровь по венам — бежать быстрее, с каждым новым глотком внутри становилось всё легче, а мысли понемногу освобождали голову.

Я ощущала такое впервые — телом и душой одновре-

менно завладевали чувства кайфа, эйфории, невесомости и нереального адреналина — но важнее было совсем другое: кроме этого, я не испытывала больше *ничего*.

Адски жгучая боль сменилась совершенно противоположными чувствами и, ведомая этими новыми ощущениями, я делала глоток за глотком.

И не желала останавливаться.

Как раз проверял работу показателей, убеждаясь в том, что яхта исправна и идет в верном направлении, когда услышал, как внизу что—то разбилось. Отреагировал моментально. Фактически перепрыгнув через лестничный пролет, в одно мгновение оказался у злополучной каюты. *Только бы она была в порядке, — вертелось в голове, — только бы с ней ничего не случилось.*

Войти внутрь не успел, потому что на пороге откуда ни возьмись появилось моё ходячее несчастье, и, издав что—то вроде «ой», влетело в меня практически на бегу. Её ноги подкосились, поэтому она инстинктивно ухватилась за мои плечи, а я так же неосознанно поддержал её за талию.

Мог бы ожидать от неё совершенно любой реакции, но... я уже говорил, что эта женщина постоянно меня удивляла? Осторожно разжав пальцы и, немного отойдя, она вдруг... *засмеялась*. В нос тут же ударил терпкий запах ягод. *Что за...*

— Прости, я совсем тебя не заметила, — усмехнувшись,

Эбби потянулась к моей рубашке и бережно разгладила складки. — И, кстати, за вазу тоже прости. Я танцевала и не заметила её, — она снова усмехнулась, а затем удивленно расширила глаза, — представляешь, она совершенно магическим образом появилась на тумбочке!

– Ты танцевала?

– Да, — Эбби улыбнулась, а затем не совсем ровной походкой вошла внутрь, — надеюсь, это не запрещено? Я не нарушила никаких правил? Или... — она соблазнительно улыбнулась и, сделав шаг, обвила руками мою шею, — ... всё же нарушила?

Этот сладковато—кисловатый запах. Её странное поведение. Мысль о возможной причине закралась в голову невольно и подтвердилась, когда я заметил на полу открытую и, видимо, уже пустую «Шато Марго».

Для того, чтобы сложить два и два, не нужно было быть гением.

– Ты выпила целую бутылку? — тихо спросил, хотя заранее знал ответ.

– О, Господи! Она, вероятно, стоило целое состояние? — сделав серьезное лицо, Эбби испуганно зажала рот рукой. Но долго разыгрывать представление не смогла и снова рассмеелась. — Прости. В следующий раз я сначала посмотрю на этикетку.

– Следующего раза не будет, — заявил, заставляя Эбби отстраниться и раздраженно закатить глаза.

– Перестань. Я всего лишь немного выпила.

– Немного? В тебе целая бутылка крепкого вина. Алкоголя, Эбигейл. О чем ты вообще думала, когда...

– У тебя есть ещё одна бутылка?

Господи, эта женщина сведет меня с ума.

– Тебе одной мало? Ты еле на ногах стоишь.

– Мне — вполне достаточно, — она улыбнулась, а затем начала поочередно заглядывать в шкафчики, — а вот тебе не помешает немного расслабиться.

– Здесь нет алкоголя.

– Но одну бутылку я всё же нашла, — не унималась Эбби. — Значит, есть вероятность, что найду и вторую.

Она задумалась, а затем широко улыбнулась и быстро взбежала по ступенькам.

– Эбби! Черт... — сорвался следом. — Не бегай по лестнице!

– Не становись занудой! — крикнула она, оказавшись на открытой палубе.

– Если ты не будешь слушаться меня, то упадешь за борт!

– Мм—м... а ты спасешь меня, как истинный герой? — промурлыкала и, ухватившись пальцами за корпус, внезапно взобралась на самый край.

Почувствовал, как сердце сжалось от страха.

– Прошу, слезай. Если мы налетим на волну, и ты не удержишь равновесие...

– ...то я упаду за борт, — скучающе закончила она.

— Да—да, ты уже говорил что—то подобное.

— Дай мне руку, — вытянул свою ладонь, очень надеясь, что она примет разумное решение. В противном случае — держите меня Небеса, но я клянусь, что привяжу эту ненормальную к кровати до тех пор, пока мы не приплывём!

— Ты постоянно ищешь повод коснуться меня, — её улыбка стала шире, и она слегка наклонилась, соблазнительно прикусив губу, — но в этот раз тебе придется сначала меня поймать.

— Я не собираюсь играть с тобой в эти игры... — Эбби выпрямилась и, не обращая на меня внимания, стала пробираться в сторону бака⁴. — Что ты делаешь? Вернись! Это не... дьявол!

Одним ловким движением забрался наверх, во всей этой ситуации радуясь одному единственному обстоятельству — всего несколько минут назад я решил ненадолго сбавить скорость.

Спасибо, Господи, что ты вложил в мою голову такую светлую мысль, а теперь, пожалуйста, сделай так, чтобы эта безумная не упала!

Не знал, услышал ли Бог мои мольбы, или в этот момент Эбби просто повезло с координацией, но каким—то невероятным образом она преодолела препятствия и перебралась на носовую часть яхты. А вот после этого Удача её покинула. Я нагнал её, когда она почти потеряла равновесие и, схватив

⁴ Бак — носовая часть палубы.

за руку, притянул к себе.

– Упс, — хихикнула она, — чуть не упала.

– Ради всего Святого, неужели ты...

Эбби резко, но мягко накрыла мой рот ладонью, и мы оба замерли, смотря друг другу в глаза. Я слышал её неровное дыхание и ощущал бешеный стук сердца. Яхта слегка подпрыгивала на волнах, но я не чувствовал ничего, кроме её тепла.

Скользнув с губ, её ладонь легла мне на грудь, заставляя Эбби придвинуться ближе. Запах алкоголя смешался с соленым океанским воздухом, и теперь вызывал ещё больший дурман, чем прежде.

Я вдыхал её всю, хотя и знал, что вновь не смогу надыхаться.

– Тебе лучше спуститься в каюту... — тихо сказал, но запнулся, когда её руки стали медленно сползать вниз.

– Я не хочу.

Её пальцы осторожно пробрались под рубашку, коснувшись обнаженной кожи, и мне пришлось втянуть в себя воздух и на мгновение прикрыть глаза.

– Эбби...

– Мм? — дразня его, растянула она.

– Не делай так.

– Почему? — тихо спросила, каждым касанием прошибая тело очередным электрическим зарядом. — Разве тебе не нравится?

Её пальцы продолжали двигаться вверх, заставляя чувствовать просто неопишемую муку. Боже, если бы она только знала, *как* мне нравилось. Как сильно я хотел касаться её, прижимать к себе, целовать и вновь и вновь доказывать, что она лишь моя. И что ей никогда не удастся этого изменить.

Но я не мог...

— Ты пьяна, — хрипло ответил.

— Чересчур пьяна, — подтвердила Эбби, сильнее вжимаясь в моё тело, — и совсем себя не контролирую.

— Иди в каюту... — она тут же завертела головой, — ... иначе тебе будет больно...

Обхватив моё лицо руками, Эбби прикрыла глаза и приподнялась на носочки.

— Мне больно постоянно, — еле слышно произнесла она, бережно касаясь лбом его лба, — так почему сейчас это должно быть важно?

— Потому что я больше не хочу быть причиной этой боли, — тихо ответил, накрывая её ладони своим. — И не хочу, чтобы ты меня ненавидела.

Эбби слабо усмехнулась. Она была под действием алкоголя: ослабленная, уставшая, отдавшаяся во власть эйфории и адреналина, но, вместе с тем, живая и настоящая — *моя*. Только моя.

— Я бы не смогла ненавидеть тебя, даже если бы захотела, — прошептала у моих губ. — Ведь я пыталась. Каждый день.

Но у меня не получилось, — ощущал скорость, с которой стучит её пульс, и её горячее дыхание всего в дюйме. — Я не хочу бороться с тобой, я устала давать тебе отпор. Но эта боль во мне... я просто... не справляюсь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.